

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.

Астафьева

Филологический факультет

Кафедра общего языкознания

44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы Русский язык

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Концепт «Язык» в творчестве Иосифа Бродского

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

Бурмакина Наталья Алексеевна

(дата, подпись)

Научный руководитель

Бариловская Анна Александровна

(дата, подпись)

Дата защиты _____

Обучающийся Кривова Анастасия Леонидовна

(дата, подпись)

Оценка ___ хорошо _____

(прописью)

Красноярск, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	
1.1. Основное понятие и структура концепта.....	5
1.2. Теория концепта и концептуальное пространство.....	9
1.3. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт.....	12
1.4. Проблема типологии концептов в современной лингвистике.....	23
ГЛАВА 2. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА ЯЗЫК В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО	
2.1. «Лингвоцентризм» поэтики Иосифа Бродского.....	29
2.2. Основные концепты поэзии И.А. Бродского.....	31
2.3. Развитие концепта язык в поэтическом цикле «Часть речи».....	36
2.4. Место концепта язык в концептосфере И. Бродского и его лексическая репрезентация.....	42
2.5. Звукобуква как средство реализации концепта язык в поэзии И. Бродского».....	50
ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ	
3.1. Этапы работы с концептом на уроке русского языка.....	57
3.2. Методическая разработка.....	65
3.2.1 Пояснительная записка.....	65
3.2.2. План-конспект урока по русскому языку в 10-11 классах на тему: «Анализ художественного текста как фактор развития речевой грамотности на примере произведений Иосифа Бродского».....	66
Заключение.....	72
Список используемой литературы.....	75

Введение

Творчество писателя Иосифа Александровича Бродского является индикатором, во многом определившим историю изящной словесности второй половины XX века в целом и развитие современной русской поэзии в частности. Ученые лингвисты в своих трудах отмечают колоссальный масштаб личности и творчества художника, который предполагает нарастающий к ним интерес многих поколений филологов.

В современном литературоведении складывается направление, которое объединяет его сторонников особым вниманием к разным проявлениям творческой индивидуальности И. Бродского. Фундаментальные основы «бродсковедения» заложены такими выдающимися исследователями, как Ю. Лотман и М. Лотман, Л. Лосев, В. Куллэ, А. Жолковский, А. Ранчин, Я. Гордин, В. Полухина [Вельмезова, 1991: с. 135].

В то же время исследование поэтического наследия писателя в лингвистическом аспекте является новым и набирает свою популярность. Что и обуславливает особую актуальность лингвостилистического анализа сложного и многогранного феномена лирики И. Бродского. Соответственно **целью** нашего исследования является анализ концепта «Язык» в поэтическом наследии И.А. Бродского.

Поставленная цель требует решение следующих **задач**:

- 1) Провести анализ монографической литературы по теме исследования, раскрыть содержание понятия «концепт»;
- 2) Определить место концепта «Язык» в концептосфере И.А. Бродского;
- 3) Выделить и описать основные средства вербальной экспликации концепта «Язык» в лексической структуре поэтических текстов И.А. Бродского в коммуникативном аспекте;
- 4) Разработать План-конспект урока по русскому языку в 10-11 классах.

Объектом исследования является концепт «Язык» в художественном тексте. **Предметом** исследования – особенности репрезентации концепта «Язык» в творчестве И.А. Бродского.

Материалом для исследования послужил поэтический цикл И.А. Бродского: «Часть речи» и другие его произведения.

В ходе исследования применялись следующие методы: метод контекстного анализа; описательный метод; лингвистический метод; статистический метод; общий функциональный анализ.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы могут применяться при организации внеклассной работы по русскому языку в школе, а также послужить основой для проведения факультативного курса.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

1.1. Основное понятие и структура концепта.

Исследователь Н.Н. Болдырев в своих трудах отмечает, что «своеобразная мода на термин «концепт» в научной и художественной литературе конца XX — начала XXI в. указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни, не задумываясь над их «истинным» смыслом». «Оказалось, что далеко не всегда можно «договориться» о понятиях: иногда продуктивнее реконструировать привычные смыслы, или концепты, и, на основе сложившихся представлений, старых концептов, не разрушая их, попытаться сконструировать новые понятия» [Болдырев, 2004; с. 21].

Современными филологами отмечено, что термин «концепт» применяется в различных отраслях науки, в том числе и в когнитивной лингвистике, кроме того в данной сфере термин «концепт» является первостепенным и основополагающим. Так когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, т.е. как инструмент, с помощью которого познается человеком мир. Исследователь В.З. Демьянков отмечает, что «вся познавательная деятельность человека (когниция) устремлена к развитию навыка - ориентироваться в мире, а для этого необходимо различать и отождествлять объекты. В данном случае, концепты являются своего рода помощниками человеческого сознания в этой деятельности. Соответственно имеется прямая связь между познанием мира, построением представлений о нем, и концептами» [Демьянков, 2016: с. 86-90].

Ученый А.П. Бабушкин считает, что «наука когнитивистика на современном этапе своего развития столкнулась с ситуацией, характерной для любой новой гуманитарной отрасли человеческих знаний: междисциплинарный характер самой науки, многочисленные, иногда взаимопротиворечащие, подходы ученых, ее представляющих, а также гетерогенность используемых методик, диффузность предмета исследований

и терминологический разнобой привели к тому, что у стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, будто на свете существует столько вариантов когнитивной науки, сколько самих когнитологов» [Бабушкин, 1996: с. 100].

В лингвистическом мире термин «концепт» занимает лидирующее место среди наиболее востребованных и одновременно наиболее размытых когнитивных терминов (от лат. *conceptus* «понятие»). В конце XX века лингвистами З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечается, что «интенсивные исследования, развернувшиеся в области когнитивной лингвистики, демонстрируют большой разнобой в понимании самого термина концепт. Употребление этого термина стало очень распространенным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям» [Попова, Стернин, 2003: с. 196].

Так исследователь В.А. Ефремов предпринял попытку классифицировать основные подходы к толкованию понятия «концепт», так как оно является актуальным для современной лингвистической науки. Кроме того ученый предложил свежий термин — «концептуальное пространство», который является обозначением специфического типа соотношения некоторых концептов» [Ефремов, 2015: с. 332].

Традиционно возникновение термина «концепт» в русской лингвистической истории связывают с именем религиозного философа С.А. Аскольдова, который в 1928 году предложил новый взгляд на соотношение терминов «понятие», «слово» и философский по происхождению «концепт». Рассматривая теорию ученого с современной точки зрения, можно предположить, что С.А. Аскольдов отражает будущий психолингвистический подход, что хорошо эксплицируется в самом определении концепта как «мысленного образования, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997: с. 202].

Кроме того С.А. Аскольдов предлагает разграничивать понятия познавательных концептов - «почки сложнейших соцветий мысленных

конкретностей» и художественных концептов - «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, волевых проявлений». При этом основным отличием данных концептов ученый называет: «чуждая логике и реальной прагматике художественная ассоциативность». Так же исследователь отмечает, что «базовыми характеристиками концепта объявляются его заместительная по отношению к понятию функция, символическая природа, динамизм (изменчивость, подвижность смыслового наполнения) и — для художественных концептов — потенциальная открытость интерпретациям («неопределенность возможностей»)). Более того, С.А. Аскольдов указывает на значимую для будущих исследований «мобильность границ между понятийными и образными составляющими в структуре концептов и выражающих их слов» [Аскольдов, 1997: с. 256].

По некоторым, не зависящим от развития науки, причинам идеи лингвиста С.А. Аскольдова, касающиеся термина «концепт», на длительное время были забыты. Тем не менее, в конце XX века ученый Д.С. Лихачёв вернулся к ним в своей исследовательской работе «Концептосфера русского языка». Вслед за предшественником, исследователь Д.С. Лихачёв представил научному миру концепт как заместитель понятия: «концепт является «намеком на возможные значения» и «алгебраическим их выражением». Так учёный подчеркнул важность «индивидуального культурного опыта, запаса знаний и навыков», от богатства которых напрямую зависит богатство концепта» [Лихачев, 1993: с. 156].

Таким образом, Д.С. Лихачев подходит к термину «концепт» как к лингвокультурологическому пониманию, который возникает как «отклик на предшествующий языковой опыт человека». При этом, по мнению ученого ««концепт» не столько рождается из слова, сколько является результатом столкновения словесного значения с личным и народным опытом человека». «Следовательно, выполняя заместительную функцию по отношению к значению слова, «концепт» не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия в понимании значения слова, он в известной мере

и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, для эмоциональной ауры слова» [Лихачев, 1993: с. 163].

Бесспорной заслугой Д.С. Лихачева является выявление сложнейшей по типам и структуре взаимосвязи концептов, таким образом, он вводит новое понятие - «концептосфера как совокупность концептов языка». Кроме того ученым отмечается, что «в настоящее время термин «концепт» находит широкое применение не только в философии или в общелингвистических штудиях, но и в различных областях лингвистической науки. Данный термин основательно вошел в понятийный аппарат когнитивистики, психолингвистики, прагматики, этнолингвистики, (лингво)семантики, (лингво)культурологии» [Лихачев, 1993: с. 170].

Лингвист С.А. Воркачев в одной из своих программных работ утверждает, что «период становления термина «концепт» в науке непременно связан с обусловленной произвольностью его употребления, диффузностью использования, размытостью границ, аттракцией с близкими по значению и по языковому выражению терминами». Поэтому С.А. Воркачев называет «концепт» «зонтиковым термином» [Воркачев, 2014: с. 34].

Как отмечалось выше, основным понятием когнитивной лингвистики является понятие «концепт». Рассмотрим, в таблице 1 как описывают данное понятие современные исследователи, например:

Таблица 1

№ п/п	ФИО исследователя	Определение концепта
1.	М.Я. Блох	«Концепт как выделенное сознанием знание о некотором предмете» [Блох, 2000: с. 4];
2.	Ю.С. Степанов	«Под концептами понимаются понятия, но понятия наиболее общего порядка, являющиеся ценностями данной культуры и человеческой культуры вообще... В отличие от просто понятий, которые определяются в системах частных наук и в общем виде в логике, концепты не только определяются, но и переживаются, – они имеют эмоциональную и художественную компоненту» [Степанов, 1997: с. 17];
3.	С.Г. Воркачев, В.И. Карасик	«Лингвоконцептология это «продолжение и развитие классической, структурной и функциональной

		семантики, обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин» [Воркачев, 2014: 32, Карасик, 1996: с. 11];
4.	Н.С. Валгина	«В художественном тексте жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами автора. Поэтому в художественном тексте за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, так называемая «вторичная действительность» [Валгина, 2003: с. 10];
5.	А.В. Трифионовой	«Художник не просто использует, а по-своему осмысляет выработанные в культуре концепты, он как бы заново переоткрывает содержание концепта: из многообразного спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все. Только на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков, которые при обживании концепта автор последовательно проводит, используя различные средства лингвокреативной техники» [Трифионова, 2014: с. 132];
6.	Л.В. Миллер	«Художественный концепт это универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти» [Миллер, 2000: с. 41].

Например, ученый М.Я. Блох отмечает, что «в художественной литературе наблюдаются как когнитивные концепты различных понятий, так и глобальный концепт всего произведения, который в литературоведении рассматривается как его основная идея. Глобальный концепт определяется как предикация темы произведения к ее авторской интерпретации, причем эта интерпретация имеет и смысловые, и эстетические характеристики». Кроме того исследователь пишет, что «глобальная тема художественного произведения формируется темами (подтемами) более низкого уровня: макротемами – микротемами – диктемами, где последняя – минимальная единица тематизации текста, формируемая предложениями или даже одним предложением» [Блох, 2007: с 103].

1.2. Теория концепта и концептуальное пространство

Ученый лингвист В.З. Демьянков утверждает, что «концепт как когнитивное явление можно рассматривать с точки зрения единицы

ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Демьянков, 2016: с. 89].

Как отмечалось выше, термин «концепт» исследователи когнитивисты используют для объединения множества разнообразных единиц ментального словаря. Объединяя его неким родовым понятием, отвечающим представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых «квантов» знания» [Козлов, 2010: с. 154].

Исследователь А.П. Бабушкин отмечает что, «с точки зрения современной когнитивной науки, ряд концептов имеют языковую «привязку», а другие концепты воплощены в психике особыми ментальными невербализованными репрезентациями: мыслительными картинками, образами, гештальтами, схемами и т. п.». Кроме того, ученый в своей работе предпринял попытку совмещения когнитивной и лингвистической точек зрения. Так А.П. Бабушкин понимает «концепт» как «дискретную, содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира и хранимую в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1996: с. 10]. При этом основная функция концепта как ментальной репрезентации, по Бабушкину – «состоит в способе взаимосвязи и категоризации вещей». Определенно в своем исследовании ученый также пользуется такими когнитивными понятиями, как «мыслительная картинка, гештальт, инсайт, фрейм, сценарий и др.», однако в целом лингвистический научный мир признает его работу написанной всё же скорее в русле лингвистическом, нежели когнитивном.

Вслед за ставшими уже традиционными работами ученой А. Вежбицкой, под «концептом» в сугубо лингвистических трудах нередко

понимают определенный объект из «идеального» мира, который отвечает некие культурно обусловленные представления человека о «действительном» мире. Кроме того определение «концепта» содержит в себе структуру неполного понятия, тем не менее, не останавливается на нем, поскольку охватывает большое количество прагматических и ассоциативных элементов, выражающихся в совместимости его вербализаторов. Таким образом, «концепт» в конкретно лингвистических исследованиях является неким конструктом, репрезентирующим ассоциативное поле того или иного наименования, но не равным ему. Так лингвист Дж. Лакофф называет «концепт парадигматической моделью имени, включающей и логическую структуру его содержания, и сублогическую. Эти структуры выводятся соответственно и из свободной сочетаемости имени, и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, зафиксированных в текстах» [Лакофф, 2004: с. 133].

Некоторые ученые отмечают, что «идея нетождественности явлений концептуального и семантического планов, находящихся, тем не менее, в неразрывной связи друг с другом, прочно закрепилась в отечественной лингвистике». Кроме того, «значения языковых знаков, являясь единицами семантического пространства языка, представляют собой совокупности семантических признаков, каждый из которых репрезентирует определенные признаки концепта, но не весь концепт в целом. При этом даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков — вербализаторов, объективирующих концепт, не представляет содержание концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [Кондаков, 1975: с. 56].

Ученый Н.Д. Арутюнов, который входит в состав группы исследователей: «Логический анализ естественного языка», находящейся при Институте языкознания АН СССР в своем лингвофилософском подходе применяют «термин «концепт» как синонимичный термину

«(мировоззренческое) понятие», практически не разграничивая их и определяя как взаимозаменяемые». При этом логический взгляд исследования направлен на коллективное, а не индивидуальное знание. Кроме того, в рамках психолингвистического или лингвокультурологического подходов - научное и «наивное» знание. Также лингвист Н.Д. Арутюнов пишет, что «учитывая то, что концепты образуют своего рода культурный слой, промежуточный между человеком и миром, исследователи анализируют ключевые концепты культуры по текстам разных времен и народов с позиции внешнего наблюдателя» [Арутюнов, 2009: с. 15].

Кроме того, ученые, представляющие эту группу, описывают и изучают так называемые мировоззренческие понятия, такие как: «истина, ложь, норма, знание и многие другие, как «обыденные аналоги философских и этических терминов», образующие широкий пласт лексики современного языка, которая отражает «практическую философию человека». Концепты как мировоззренческие понятия отличает от собственно философских терминов «постоянное взаимодействие с реальными механизмами жизни» [Карасик, 2013: с. 172].

Исходя из понятия, в котором объектом философской мысли XX века стал человек, можно сделать вывод, что «изменился сам взгляд на положение человека в мире, а потому не природа, а язык стал для него «домом бытия». По выражению ученого М. Хайдеггера, «исследователи группы «Логический анализ естественного языка» обращаются к креативной (созидательной) и гносеологической (познавательной) функциям языка». Также они отмечают, что «концепты «личностны» и «социальны», национально специфичны и общечеловечны, и каждое такое понятие «говорит особым языком, располагающим характерным для него синтаксисом, своим — ограниченным и устойчивым — лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, своей областью референции для каждого термина. Такого рода язык и открывает доступ к соответствующему понятию» [Вельмезова, 1991: с. 135].

Таким образом, исследователь Н.Д. Арутюнова и ее последователи рассматривают «концепты» как «понятия практической, обыденной философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей».

1.3. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт

В 80-е гг. XX века из-за сложного перевода трудов англоязычных авторов-лингвистов термин «концепт» закрепился в отечественной литературе по когнитивной лингвистике и в настоящее время претерпевает переосмысление. В философской науке данный термин схож с содержанием понятия при условии отвлечения его от языковой формы выражения. В математической логике, особенно в ее наиболее распространенной версии, принятой в системе ученых Г. Фреге и А. Черча, этим термином принято называть «содержание понятия». Таким образом, термин «концепт» становится синонимичным термину «смысл».

Стоит отметить, что данный термин встречался в лингвистической литературе во времена Платона и Аристотеля. Оказавшись в филологической среде теория «концепта» примирила имеющиеся в современной лингвистике различные догадки и гипотезы суждений о сути и функционировании «концепта». Так ученые Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают, что ««концепты» – это драгоценности или самородки значения, а именно: абсолютные пространственные конфигурации. Функциональные свойства «концепта» данные ученые характеризуют как сотворенность концепта, а именно:

- он обладает авторской подписью и в этом смысле персонифицирован;
- недискурсивность концепта является глубинной идеей, а значит полностью не принадлежит границам какого-либо конкретного высказывания;
- соотнесенность концепта с какой-либо проблемой - позволит концептам пересекаться и взаимно координироваться» [Бабушкин, 1996: с. 93].

Кроме того, исследователями отмечается, что, многие «концепты» первостепенно появляются на предметно-образной, чувственной основе, другими словами, как конкретная эмпирическая фигура предмета или явления, например: образ дерева, дома, школы. Как основная структурированная единица «концепт» способен изменяться в сознании человека с учетом осмысления осознания каких-то событий и явлений действительности. Учитывая собственный и общественный опыт, конкретной пространственно-временной, географической, исторической и культурной среды, а также в зависимости от превалирующего в индивидуальной ситуации способа мышления, например: обыденного или научного.

Итогом когнитивной деятельности человека являются системы концептов (концептосферы), которые связаны с образованием, а также с восприятием реальных или вымышленных положений вещей в мире. Так как «концепт» является конструктом, который обладает меняющимся свойством, то совокупность общего понимания об объекте или явлении будет отличается в зависимости от понятия (в особенности научного) и значения (как языковой сущности). Ряд выдающихся исследователей, таких как: Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, В.П. Нерознак, Ю.С. Степанов и др., считают, что ««концепт» представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества: в нем может находить отражение уровень общественного познания того или иного явления или объекта, но будучи принадлежностью исключительно индивидуального сознания, так сказать, квинтэссенцией индивидуальных мыслительных актов, концепт может и не включать указанную информацию» Конец XX века отмечен появлением целого ряда теорий, когда, наряду с «концептом», стали активно изучаться «лингвокультурема» (В. В. Воробьев) «мифологема» (В. Н. Базылев, М. Лехтеэнмяки), «логоэпистема» (Н. Д. Бурвикова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) и другие аналогичные явления [Блох, 200: с. 103].

Известно, что «концепт» ученые лингвисты отождествляли с представлением и формулировали его как: «алгебраическое выражение значения» (Д.С. Лихачев); «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая); «сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов), «содержательная единица памяти, представляющая собой кванты структурированного знания» (Е.С. Кубрякова), «зерно первосмысла» (Колесов), «сложный комплекс признаков, который используется для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» (М.В. Пименова) и т.п. Поскольку интерес нашего исследования основан на области семантическом единстве семантики многозначных лексем, то нам ближе понимание термина «концепт» как «лексический инвариант» [Блох, 200: с. 103].

Для говорящих «концепт» наиболее понятен лишь через язык, тем не менее, природа «концепта» скорее ментальная, он, строго говоря, ненаблюдаем. Слова, словосочетания, развернутые высказывания и описания выступают как средство объективации, вербализации концептов в случае коммуникативной необходимости. Если те или иные концепты коммуникативно релевантны, становятся регулярно предметом обсуждения в обществе, то они становятся языковыми знаками, получая стандартную языковую привязку. Если нет – остаются невербализованными, а в случае необходимости вербализуются описательными средствами [Карасик, 2013: с. 24].

Сложность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

Отсутствие единства в понимании термина «концепт» связано с отсутствием общности методологических и теоретических установок когнитивных школ. В целом можно обозначить четыре основных подхода к

сущности когнитивной парадигмы: культурологический (В.В. Красных, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Г.В. Токарев и др.), семантический (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев и др.), ментальный (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, А.И. Стернин и др.) и социобиологический (Ф. Варела, А. Дамазио, А.А. Залевская, А.В. Кравченко, У. Матурана и др.). Несомненно, общим для этих подходов является утверждение неоспоримой связи языка, сознания и социальной среды (культуры). Изучая концепты, невозможно игнорировать культурологический фактор, как и то, что доступ к содержанию концепта можно получить, главным образом, через язык [Глазунова, 2015: 225].

В целом концепт понимается как структурированный ментально-психический культурно-обусловленный конструкт, служащий посредником между ментальным миром человека и окружающей действительностью, который может быть вербализован и опредмечен в той или иной языковой форме.

В философо-феноменологическом плане концепт – это идея слова, его эйдос, самая центральная, ядерная часть содержания слова, мотивирующая все его употребления [Болдырев, 2004: с. 25]. В коммуникативном плане концепт – это когнитивная модель, в соответствии с которой говорящий употребляет данную языковую единицу тем или иным способом; иными словами – это структурированный фрагмент общего для языкового коллектива опыта освоения им своего жизненного мира, который символизируется этой языковой единицей [Бродский, 2010: с. 43].

Оязыковленный концепт указывает на значение: по образному выражению Е. С. Кубряковой и М. В. Никитина, значение – это концепт, схваченный знаком. На секунду остановившись на данном, ставшем в лингвистической литературе классическим определении, отметим, что оно, строго говоря, не совсем точно. Если знак – это, по меньшей мере, двусторонняя сущность (во всяком случае, в классическом его понимании включает, помимо формы, обязательно и содержание), то концепт, уже будучи

ментальной сущностью, вторично «схватывается» содержанием [Кубрякова, 2004: с. 66].

Сам же момент «схватывания», вероятно, имеет отношение к «схватыванию Бытия» в концепциях феноменологической философии (в частности, М. Хайдеггера и К. Ясперса), а это, в свою очередь, может являться следствием «агрессивной» этимологии немецкого слова «понятие», буквально означающего «хватать» (*grieffen*). Данное определение концепта созвучно средневековым мыслителям, понимающим концепты как акты схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и конфликта интерпретаций. Акты «схватывания» выражаются в высказанной речи, которая, по П. Абеяру, воспринимается как «концепт в душе слушателя» или как идея произведения. Он полагал, что «концепты связаны не формами рассудка, они есть производное возвышенного духа, или ума, который способен творчески воспроизводить, или собирать (*concipere*), смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть» [Валгина, 2003: с. 122].

Представляет интерес культурологический аспект, при котором культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепты как формы существования культуры формируются в результате своеобразного членения языковой картины мира на некие микромиры, соответствующие всем мыслимым ситуациям, известным человеку. В рамках данного направления концепты часто трактуются как своего рода культурный слой, посредник между человеком и миром, как понятие практической (обыденной) философии, являющееся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Исходя из этого, концепт должен получить культурно-национальную «прописку» и предстать как самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея «предмета» в совокупности всех валентных связей,

отмеченных национально-культурной маркированностью [Воркачев, 2014: с. 130].

Исследователи национальных концептов пытаются определить точное число этих фундаментальных для носителей русской культуры сущностей. Так, А. Вежбицкая полагает, что их всего три: Судьба, Тоска и Воля [Вежбицкая, 2010: с. 46], Ю. С. Степанов говорит о сорока-пятидесяти [Степанов, 1997: с. 466], В. А. Маслова насчитывает несколько сотен базовых концептов [Маслова, 2013: с. 224].

Поскольку в литературе по аналитической философии и психолингвистике на данном этапе развития когнитивистики представлен анализ наиболее сложных, ярких и интересных концептов, складывается мнение, что концепты передают не любые понятия, а лишь наиболее сложные, без которых нельзя представить данную культуру (например, воля или авось для русских, порядок для немцев и др.).

Среди исследователей концептов до сих пор нет единства во взглядах по этому вопросу. С нашей точки зрения, если простые быденные концепты не являются темами пословиц, поговорок и поэтических текстов, то они не перестают быть мыслительными единицами, ведь не можем же мы отказать в ментальности таким словам, как стол или стул. В противном случае придется признать, что одни сущности ментальны, а другие нет. Если на сегодняшний день в концептологии говорится о грамматических и синтаксических концептах как о данности, есть ли смысл отказывать в концептуальной природе простым быденным понятиям? Вопрос, очевидно, скорее терминологический: насколько широко понимается термин «концепт» и как определяются ментальные сущности, не являющиеся концептами [Козлов, 2010: с. 139].

Вместе с тем, поскольку концепт – это структурированная сущность, то интерес представляют, прежде всего, конструкты с объемной и развитой структурой, имеющие ярко выраженные центр и периферию. Семантически однонаправленные концепты типа коллаيدر, станина, терморегулятор вряд

ли в обозримом будущем обростут дополнительными со значениями, поэтому заинтересуют исследователей, скорее, как термины или слова, принадлежащие соответствующей лексико-грамматической группе.

В процессе жизнедеятельности люди накапливают определенную информацию об объектах, включенных в повседневную индивидуальную и межличностную практику, но этот процесс накопления и развития знаний оказывается возможным только при условии его периодического переосмысления, что и является углублением понимания мира и способом деятельности в нем (например, представление о компьютере в раннем детстве и во взрослом состоянии, если выбрана соответствующая специальность, связанная с системным администрированием или компьютерным программированием). Поэтому развитие концепта связано со структурами знания и его переупорядочением наиболее эффективным образом [Карасик, 2013: с. 254; Козлов, 2010: с. 132].

Для обозначения особого поля, ауры языка, которая связана с запасом знаний, навыков, культурным опытом отдельного человека и народа в целом, используются такие понятия, как «концептосфера языка» (С. Д. Лихачев) и «семиосфера» (Ю. М. Лотман). Они трактуются как определенным образом упорядоченная и организованная конфигурация концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка. Поэтому следует подчеркнуть чрезвычайную важность учета культурно-национального характера концептов в процессе их изучения. Не следует также забывать, что фрагменты реальной действительности неодинаково отражаются в сознании носителей даже одной культуры. Большая часть концептов окружена эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Таким образом, концепты – это выраженная в языке концентрация симпатий и антипатий, приводящая к столкновению мнений, т.е. эмоционально и стилистически окрашенные сущности. Культура в какой-то степени детерминирует концепт, в то время как концепт является ментальной проекцией элементов культуры. С другой стороны, субъект, оперирующий

языковыми репрезентациями, приспособляясь к среде, может по-разному описывать одно и то же явление, что обусловлено его опытом, а также различными условиями и возможностями взаимодействия со средой. Со временем, благодаря влиянию целого ряда факторов постоянно меняющейся окружающей среды, накоплению опыта взаимодействия с ней, концептуальная система человека модифицируется, актуализируются новые участки концептов [Лихачев, 1993: с. 7].

Относительно новым направлением в когнитивистике является интерпретация концептов с точки зрения телесного подхода, предполагающая обращение к концептам, впрочем как и к языку, как к когнитивной, биологической и социальной системе, представляющей собой область коммуникативных взаимодействий организма со средой. Что касается понимания природы концептов, то оно не согласуется с представленными выше положениями, отражающими наше осмысление сущности концептов. По мнению представителей биокогнитивистики, концепт – это не абстрактная идеальная сущность, а физиологические, материальные процессы, происходящие в коре головного мозга. А. Дамазио отмечает, что фокус для концепта составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций, которые с высокой вероятностью могут быть извлечены из памяти некоторыми невербальными и вербальными стимулами. А приписывание имени и/или вербальное описание составляет лишь вторую фазу этого процесса [Кондаков, 1975. с. 33].

Таким образом, материальность концепта объясняется тем, что все процессы, происходящие в коре головного мозга, физиологичны. Отождествление формы сигнала и его содержания для физиолога вполне логично, но достаточно узко для рассмотрения проблемы с точки зрения когнитивной науки в целом. Кроме того, концепт – это единица не только ментальных, но и психических ресурсов нашего сознания, поскольку включает также и чувственный опыт человека. При этом доступ ко всем этим участкам осуществляется одновременно, благодаря слову или какому-либо другому

знаку. При всём внимании к исходным положениям и результатам биокогнитивного подхода исследуемое нами понятие концепт всё же относится к мыслительным ненаблюдаемым категориям, и это дает большой простор для его толкования. Данная символизируемая языковыми единицами ментальная структура, имеющая индивидуальную природу (если речь не идет о научном концепте), представляет собой модель ориентации говорящего в мире на некотором участке его языковой картины [Пярли, 1996: с. 419].

Основываясь на положении о том, что концепты лежат на полпути между мышлением и языком, можно далее попытаться определить специфику концептуального и языкового отражения действительности. Мы допускаем, что многие мысли, существующие в нашем сознании, вообще никогда словесно не выражаются, поскольку не предназначены для сообщения, и вероятно для их выражения нет готовых языковых средств. Можно даже предположить, что эти мысли в значительной степени определяют поведение человека, но верифицировать это невозможно и судить об этом приходится только косвенно. Поэтому для нас представляет интерес, прежде всего, концепт, выраженный языковыми средствами. Разные языки могут решать задачу членения потока нашего сенсорного и концептуального опыта совершенно по-разному. Каждая языковая система «задает» свою собственную онтологию, т.е. ту совокупность объектов-референтов, на которые направляется наше внимание и о которых мы рассуждаем в процессе познания. Таким образом, принятие той или иной языковой системы означает нечто гораздо большее, чем соглашение по поводу способов внешнего выражения нашего знания.

Реальность никогда не дана нам непосредственно, мир объектов всегда задан через ту или иную концептуальную систему, через совокупность языковых значений. Миры, сотворенные человеком, – это, прежде всего, языковые миры (или миры, по крайней мере, выраженные в языковой форме). При этом не существует универсальных языковых миров. Поскольку каждому языку присущ свой способ объективного членения мира, непрерывность

познавательного опыта может реально существовать лишь внутри субъективных групп – носителей данного языка. Современное познание объективно. Оно не подвержено недостаткам субъективного восприятия. В субъективность входит чувство, фантазия. Нюх, вкус, воображение, экстаз, которые у каждого разные. Объективность избавляет от всего подобного и обеспечивает, чтобы каждый мог усвоить, понять, воспроизвести нужное знание. Превращение знания в объективное поэтому исподволь делает что-то с субъектом. Он начинает годиться не какой есть, а только способный к объективному познанию, т.е. без черт, которыми он разноголосит другим субъектам, т.е. коллективный [Пярли, 1996: с. 423].

Во-первых, с течением времени в самом языке происходят изменения. «Дрейф» референтных отношений рано или поздно приводит к разрывам в опыте субъективной группы. Во-вторых, даже внутри такой группы не существует абсолютной идентичности между референтными системами отдельных индивидов. Когда мы общаемся с человеком, говорящим на том же языке, наша убежденность в том, что оба мы имеем в виду один и тот же объективный мир, основана на том, что мы, воспринимая выражения его речи, относим их к объектам, которые выступают референтами этих выражений в нашем понимании. Вместе с тем, находясь в рамках более широкого контекста, нельзя не уточнить, что окружающий мир устроен в целом по единым для всех объективным законам, часто не зависящим от национальной принадлежности или социального статуса конкретных людей. Мыслительные процессы также протекают по единым законам, это связано с биологическими характеристиками мозговой и нервной структур. И всё же разные культуры и традиции описывают свой мир по-разному, и в принципе, в индивидуальном сознании концепт не может быть свободен от культурной и национальной специфики.

Для человеческого сообщества свойственно на разных уровнях развития задавать морально-этические нормы, связанные с важнейшими базовыми концептами. Зависимость общечеловеческих концептов от лингвистических и

культурологических факторов приводит к тому, что они по-разному вербализируются и фиксируются в различных значениях в разных языках. Национальные особенности в опыте определяют национальные особенности знания и, соответственно, национальные особенности картины мира представителей отдельных лингвокультурных общностей.

Язык не мог бы быть средством общения, если бы он не был связан с концептуальной картиной мира, поскольку он означает отдельные элементы концептуальной картины мира, что выражается в создании слов и средств связи между словами и предложениями [Кубрякова, 2004: с. 45; Лакофф, 2004: с. 33; Лебедев, 2016: с. 190]. Итак, лингвистика с полным правом может воспользоваться философским осмыслением концепта как потенции, как нерасчлененного сгустка смыслов, как «туманного нечто» и «ничто» одновременно, как идеи, получающей свое бытие в бесконечности актуализаций. С учетом вышеизложенного сущностные характеристики концептов могут быть представлены в следующем виде: концепт как центральная единица когнитивистики – это эмоционально и культурно отмеченный смысл, ментальная сущность, отвечающая за формирование, обработку, хранение и передачу знаний; следовательно, концепт содержит эмоциональные, экспрессивные, оценочные компоненты; концепт национально специфичен, это основная ячейка культуры; концепт предположительно структурирован: может иметь слоистое строение; может быть различных типов и различной сложности; концепт имеет нежесткую вероятностную структуру, его границы неопределенны и подвижны; как образ, но не как языковая структура концепт может быть равен субъективному восприятию действительности в определенный период времени, вместе с тем в нем предположительно имеется ядерная, основная и периферийная области; ядерная часть, общая для носителей конкретного языка и культуры, обеспечивает процессы коммуникации; эта ядерная часть национально и культурно обусловлена; со временем концепт претерпевает изменения в результате изменения картины мира; наилучший доступ к концептам, их

лучшее понимание и «передача» осуществляется посредством их вербализации, т.е. через язык.

1.4. Проблема типологии концептов в современной лингвистике

Когнитивная наука сформировалась в последние десятилетия XX в. В центре ее внимания — «процесс отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразование этой информации в сознании» [Попова, 2009: с. 56]. Стремительное развитие когнитивной науки дало начало новому направлению в лингвистике — лингвоконцептологии, предметом изучения которой является концепт. Несмотря на то что данное направление лингвистической мысли активно развивается и уже имеется солидный корпус лингвоконцептологических исследований, многие вопросы, касающиеся имманентной сущности и типологии концептов, нуждаются в изучении.

Концепт понимается как «квант структурированного знания», «глобальная мыслительная единица», «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания». То, что «индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров», его «представление о референте (фрагменте мира)» и есть концепт [Пярли, 1996: с. 413].

Ввиду своей относительной «молодости», термин неоднозначно понимается в современной лингвистике. В. И. Карасик дает следующее определение: концепты — это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «квант переживаемого знания» [Карасик, 1996: с. 9]. По мнению С.Г. Воркачева, концепт представляет собой «операционную единицу мысли», «единицу коллективного знания, ... имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2014: с. 16].

На наш взгляд, наиболее удачное определение концепту дает Н.Ф. Алефиренко: «...сложное и многоярусное ментальное образование, в состав

которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту». В этом определении подчеркивается сложная структура концепта, включающая следующие компоненты:

1) интернациональный, представляющий общечеловеческие ценности и представления;

2) идиоэтнический;

3) социальный, репрезентирующий социальный статус коммуникантов;

4) групповой — гендерный, возрастной, профессиональный;

5) индивидуально-личностный, отражающий образовательный ценз человека, его религиозные воззрения, личный опыт, речевой стиль и т. п. [Кубрякова, 2004: с. 30]. Автор утверждает, что «своеобразие тому или иному концепту придает доминирование одних и угасание других признаков». Человек мыслит концептами. Концепты вступают в разные отношения и образуют систему взаимообусловленных ментальных образов. Каждый язык имеет собственную систему концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающий из окружающего мира. Совокупность концептов организует концептосферу, по которой можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языковом сознании и в языке конкретных носителей языка [Кубрякова, 2004: с. 32].

Сложный, абстрактный характер концептов обуславливает наличие большого количества разнообразных типологий, учитывающих их природу, содержание, функционирование и т. д. Концепты подразделяются на вербализуемые (устойчивые, имеющие закрепленные за ними языковые средства репрезентации, коммуникативно востребованные) и скрытые (неустойчивые, глубоко личностные, не вербализуемые) [Вельмезова, 1991: с. 128].

С точки зрения принадлежности определенным группам носителей существуют следующие концепты: универсальные; этнические;

цивилизационные; групповые (гендерные, профессиональные и др.); индивидуальные. Е.Ю. Пономарева выделяет следующие типы концептов с опорой на дискурс как среду их языкового существования: обиходные; научные; художественные (общехудожественные, индивидуально-авторские и собственно авторские концепты) [Кубрякова, 2004: с. 54].

Особого внимания заслуживает классификация концептов исследователя Г.Г. Слышкина. Изучая характер и природу ассоциаций, входящих в структуру концепта, ученый отмечает, что концепт имеет вход, под которым понимаются «точки приложения среды» (интразона), и выход, т. е. точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде (экстразона). Совокупность входящих формальных ассоциаций образует квазиинтразону, а исходящих — квазиэкстразону [Вельмезова, 1991: с. 130]. Согласно данной ассоциативной классификации, выделяются:

- 1) пропорциональные концепты, обогащающие как интразону, так и экстразону;
- 2) сформировавшиеся концепты, имеющие уже сформированную интразону, но продолжающую функционировать экстразону;
- 3) формирующиеся концепты, имеющие развитую интразону, но не обладающие экстразоной;
- 4) предельные концепты, у которых экстразона отсутствует в силу высокой степени абстракции концептуализированных понятий, а интразона постоянно расширяется;
- 5) рудиментные концепты, практически утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны [Вельмезова, 1991: с. 135].

С точки зрения репрезентации в языке первоначально выделялись только лексические концепты, однако позже в эту классификацию были введены и другие виды концептов: фразеологические; морфологические (или морфологически ориентируемые); синтаксические (или синтаксически ориентируемые).

Вербализуемые языком концепты представлены в речи акустическими знаками, фонетическими реализациями слов — лексемами. Именно в словах заключены концепты, «схваченные знаком». Выделение данного вида концептов единодушно поддерживается всеми исследователями. Однако вопрос об остальных видах концептов является на данный момент открытым. Обоснование выделения фразеологических концептов сделано в монографии А.П. Бабушкина [Бабушкин, 1996: с. 19]. Автор показал, что фразеосочетания типа белый гриб, младший лейтенант, точить лясы и другие несут единый концепт и за ними стоят те же типы концептов, что и за лексическими концептами. В лексико-фразеологической системе языка ученый выделяет разновидности концептов, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

№ п/п	Разновидности концептов	Определение
1.	Мыслительные картинки	Совокупность образов в сознании людей, коллективном, национальном или индивидуальном: павиан, сиамские близнецы;
2.	Фреймы	Схема сцен, хранимых в памяти: базар, бабье лето;
3.	Инсайты	Схватывание тех или иных отношений и структуры ситуаций в целом, «упакованная» в слове информация о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначенности предмета: ножницы, зонт;
4.	Сценарии	Схема событий, представление информации о стереотипных эпизодах, их динамика: пожар, свадьба, вертеться как белка в колесе;
5.	Калейдоскопические концепты	Вид концептов разворачивается то в виде мыслительных картинок, то в виде фрейма, схемы или сценария.

Исследователь также выделяет концепты-схемы, формирующие перцептивную и когнитивную картину мира, определенным образом членимую лексическими средствами, и концепты гиперонимы — определения, лишённые коннотата [Бабушкин, 1996: с. 104].

Классификация концептов Н.Н. Болдырева включает:

1) мыслительные картинки, являющиеся результатом чувственно-перцептивной деятельности;

2) схему — ментальный пространственно-контурный образ предмета или явления;

3) понятие — концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, их объективные, логически конструируемые характеристики;

4) прототип — категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории;

5) пропозицию — сложный конструкт, образуемый базовым предикатом и его аргументами [Болдырев, 2004: с. 30].

Классы концептов представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Классы концептов

Подводя итоги исследования можно сделать следующие выводы:

1) Концепт – это семантическое образование, которое отмечено культурной спецификой языка и так или иначе характеризует носителей определенной этнокультуры, отражает ментальность народа. Концепт не возникает из того, что он отражает лексическое значение слова, он появляется тогда, когда сталкивается словарное значение слова с опытом человека и потому концепт окрашен эмоционально, он несет в себе оценочность и экспрессию.

2) Структура концепта очень сложна и многомерна, и поэтому нет однозначного подхода к ее изучению, так же, как и к самому определению концепта.

3) В современном языкознании исследователями выделяется как минимум шесть основных подходов к пониманию природы концепта и того, как он соотносится с другими взаимосвязанными явлениями.

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА ЯЗЫК В ПОЭЗИИ ИОСИФА БРОДСКОГО

2.1. «Лингвоцентризм» поэтики Иосифа Бродского

Наиболее важным аспектом поэтического мира Иосифа Бродского является отношение человека к «языку». Бродский считает «язык» «высшей ценностью и высшей тайной бытия» что является ключевым «концептом» для поэзии и мировоззрения писателя. В поэтическом мире Бродского язык является Абсолютом, к которому восходит человек, а не наоборот. По мнению писателя человек не является центром вселенной, поэтому самые различные события внешнего мира и внутренней жизни человека концептуализируются в поэзии Бродского через категории и единицы языка.

Иосиф Бродский считает, что ««язык» всемогущ, он охватывает все стороны человеческого бытия, формирует систему взглядов и философию автора, определяет его роль и место в мире, отношение к действительности, культуре и социуму. Фундаментальная идея связи и зависимости человека от языка и умаления роли человека выражается, в частности, в установке на деперсонализацию художественной личности, на растворение лирического «я» в языке».

В поэтической вселенной Бродского «мир состоит из множества фрагментов – хаотичных, не складывающихся в единое, законченное целое». Непрерывно стремясь преодолеть хаос и обрести фундамент, писатель находится в постоянном поиске точки опоры и рационального начала в «языке». «Язык» для Бродского – «в буквальном смысле, создает человека и им же манипулирует». Связь человека с «языком» и восприятие своего существования и себя через естественный «язык» является основой творчества поэта [Блох, 200: с. 103].

Как правило, в повседневной языковой коммуникации носители языка обмениваются высказываниями. Бродский же, основываясь на высказываниях,

обращается к словам, грамматическим категориям, синтаксическим конструкциям.

Через языковые формы и категории писатель формирует события и объекты внешнего мира:

«Меня окружают молчаливые глаголы.

...Глаголы без существительных, глаголы просто». (Глаголы, 1960).

Наиболее значимым для писателя является познание событий во внутренней жизни и взаимоотношений человека в терминах языковых единиц и категорий, например:

«Знаешь, когда зима тревожит бор Красноносом,

Когда торжество крестьянина под вопросом,

Сказуемое, ведомое подлежащим,

Уходит в прошедшее время, жертвуя настоящим,

от грамматики новой на сердце пряча

окончание шепота, крика, плача». (Помнишь свалку вещей на железном стуле, 1978).

Определенно взгляд Иосифа Бродского на «язык» не простой, его можно сравнить с взглядом лингвиста, интерпретирующего высказывание, как предложение или исходный объект, который впоследствии делится на конструкции, слова, морфемы:

Можно сказать уверенно:

Здесь и скончаю я дни, теряя

Волосы, зубы, глаголы, суффиксы. (Старение, 1972).

Кроме того, восхождение к сути языка продолжается, так как самые тривиальные и универсальные знаки для писателя – не слова и даже не морфемы, а буквы и цифры. Отметим, что звук для Иосифа Бродского необыкновенно значим, так как главным концептом в его языковых представлениях является буква, письменный знак. Более того, даже природные звуки у Бродского порой передаются с помощью букв:

«Под раскидистым вязом, шепчущим «че-ше-ще»». (Под раскидистым вязом, 1988).

Не смотря на консервативную позицию, убежденную дегероизацию и антимифологизацию социальной реальности и традиционной культуры, Иосиф Бродский основные символы использует как язык описания самых обыкновенных жизненных событий и поступков:

««Как ты жил в эти годы?» - Как буква «г» в «ого»». (Темза в Челси, 1974).

Или, например:

*«Полицейский на перекрестке машет,
как буква «ж», ни вниз, ни вверх;
репродукторы лают о дороговизне.*

О, неизбежность «ы» в правописаньи «жизни»». (Декабрь во Флоренции, 1976).

Тем не менее, вместе с незначимыми свойствами у обычных знаков-символов выявляются свойства метафизические, они и играют значимую роль средоточия смыслов и духовной опоры писателя:

*«Как тридцать третья буква,
Я пчусь всю жизнь вперед»*. (Строфы, 1978).

При этом оказываются важными для поэта не знаки-символы в общем, а знаки родного кириллического алфавита:

*«...Кириллица, грешным делом,
Разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли,
Знает больше, чем та сивилла,
О грядущем. О том, как чернеть на белом,
Покуда белое есть, и после. (Эклога, 4-я, 1980).*

*... и без костей язык, до внятных звуков лаком,
Судьбу благодарит кириллицыным знаком»*. (Пятая годовщина, 4 июня 1977).

Следовательно, для писателя частица становится олицетворением и серединой целого, потому как один из его важных и наиболее «зашифрованных» эзотерических циклов назван «Часть речи».

2.2. Основные концепты поэзии И.А. Бродского

Отражение индивидуально-авторской языковой картины мира в поэтическом тексте является объект многих исследований о творчестве Иосифа Александровича Бродского. Рассматривая развитие концептуальной метафоры, ученые лингвисты исследуют такие произведения писателя, как: «Июльское интермеццо» (1961), «Современная песня» (1961), «Сумерки. Снег. Тишина. Весьма...» (1966), «Отрывок» (1969), «Натюрморт» (1971), «Колыбельная Трескового мыса» (1975), «Декабрь во Флоренции» (1976), «Часть речи» (1977), «Полдень в комнате» (1978), «Элегия» (1988) и т.д. Так, лингвисты А.М. Ильина и Н.А. Чернявская рассматривают функцию художественных «концептов» «никто» и «ничто», называя их основными, миромоделирующими в поэтических текстах Бродского [Ильина, Чернявская, 2016: с. 29].

Опираясь на определение исследователя В.С. Бернштейна: «Ничто – это фундаментальная категория философского дискурса, которая фиксирует отсутствие, не существование, небытие», авторы статьи отмечают целый комплекс смыслов, которые это понятие приобретает в поэзии Бродского: смерть, небытие; нечто недоступное сознанию человека; начало точки отсчета, нуль, пустота; нечто незначительное, не заслуживающее внимания» [Бернштейн, 2020: с. 134].

Так в произведении И. Бродского «Полдень в комнате» А.М. Ильина и Н.А. Чернявская отмечают, что, «стремясь уравнивать «ничто» с нулем, с начальной точкой отсчета: *«воздух, бесцветный и проч., зато /необходимый для /существования, есть ничто, /эквивалент нуля»*, поэт уподобляет «ничто» воздуху, знаку начала существования мира: «воздух, в сущности, есть плато, /пат, вечный шах, тщета, /ничья, классическое

ничто,/гегелевская мечта». По их мнению, «никто» в творчестве писателя представляется как мотив одиночества: *«здесь, один, между старых и новых улиц, /прохожу один, никого не встречаю больше»; «никто меня, я думаю, не ждет»*. Исследователь А.М. Ильина отмечает, что: *«разобщенность людей, отсутствие близости и взаимопонимания, утрата духовного начала – типичные смыслы, которые воплощает в картине мира поэта слово «никто»»* [Ильина, Чернявская, 2016: с. 32].

Так лингвисты А.М. Ильина и Н.А. Чернявская приходят к выводу, что «основными смыслами, которые сопровождают употребление отрицательных местоимений «ничто» и «никто» в поэзии Бродского, являются одиночество, бессмысленность человеческого бытия, неизбежность смерти, невозможность изменить судьбу или уйти от нее» [Ильина, Чернявская, 2016: с. 36].

Лингвист Т.А. Пономарёва в своих работах пишет, что «язык» является одним из центральных концептов в творчестве поэта: «Особое отношение Бродского к языку как к двоякой сущности (с одной стороны, язык как творящее начало, с другой – как субстанция, поглощающая, вбирающая в себя лица и реалии) позволяет говорить о «язычестве» этого поэта и «лингвоцентризме» его поэтики». «Обращение к «язычеству» писателя, а значит описание его отношения к языку, необходимо, поскольку определение И. Бродским языка и сущности поэзии является первоосновой всего его творчества» [Пономарёва, 2014: с. 71].

Обращаясь к циклу «Часть речи», которому отводится важное место в творчестве Бродского, лингвист Т.А. Пономарёва делает акцент на «концепте» «русский язык», который переплетается с концептами «память» и «время». «Это связано с тем, что «память» лирического героя, его воспоминания, внутренний мир неразрывно связаны с русским языком и Родиной, вынужденно покинутой поэтом». Произведение, которое является итогом всего цикла, приносит необычную квинтэссенцию значимости «слова» для человека: *«От всего человека вам остается часть / речи. Часть речи вообще. Часть речи»* [Пономарёва, 2020: с. 39].

Соответственно, знаки «слово», «язык» являются важными знаками, которые остаются от человека в конечном итоге, когда время побеждает жизнь: *«Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца, / петли, клинышки букв и, потому что скользко, / в запятые и точки».*

Исследователи А.А. Скобелева, Е.А. Скобелева акцентируют внимание на концепты, которые растворяют противоречие, лежащее в основе творчества писателя. Так «пространство» и «время» у Иосифа Бродского изображены как главная причина людских страданий, и как единственный выход освобождения от самих себя. У Бродского «пространство» является материальным, тем, что можно потрогать; оно умиротворяет людей, сопровождая в течение всей жизни, но терпит поражение у времени, показывая свою немощность и ненадежность: *«...Вещи приятней. В них / нет ни зла, ни добра / внешне. А если вник / в них – и внутри нутра. / Внутри у предметов – пыль. / Прах. Древооточец-жук. / Стенки. Сухой мотыль. / Неудобно для рук...».*

Тем не менее «время» в творчестве Бродского является антагонистом пространства, так как воплощает мысли и чувства. В тоже время, по мнению ученых – «все вечное и реальное существует только внутри человеческого сознания»: *«...Время больше пространства. Пространство – вещь. / Время же, в сущности, мысль о вещи. / Жизнь – форма времени...»* [Скобелева, Скобелева, 2018: с. 198].

Стоит отметить, что исследователь Е.П. Ченских считает, что «главная точка пересечения времени и пространства – человек. Тело достается пространству, времени – мысли». Если обратиться к мысли И. Бродского, то «человек может сочетать в себе гармонию пространства и времени, но на деле вечно мечется, выбирая материальное и безрезультатно погибая на его стороне, так как «ежесекундно меняющееся пространство» «покидает нас, а Хронос остается»» (И. Бродский). Кроме того, ученый Е.П. Ченских обращает внимание на «концептуальную метафору «внутренний мир человека – дом», которая, как правило, обнаруживается в образном слое концептов «ум»,

«сердце», «мысль», уточняя, что в идиостиле И. Бродского значимыми концептами внутреннего мира выступают не только «ум» и «сердце», но и концепт «мозг»» [Ченских, 2015: с. 87].

По мнению ученого, «концепт «ум» имеет свои особенности репрезентации. Из всех случаев употребления выражений с компонентом «ум» половина – это фразеологизмы, а основным тропом, к которому обращается поэт при вербализации этого концепта, становится эпитет: меркнувший, дремлющий, бедный». «При этом, развернутые метафоры представляют собой случаи объективации «ум – дом», «мысль – гость в доме»: *«...мысль о смерти/приюта ищет в меркнувшем уме/на ощупь, как случайный обитатель/чужой квартиры пальцами во тьме по стенам шарит в страхе выключатель»*» [Ченских, 2015: с. 90].

Кроме того, создавая образ «сердца» в некоторых произведениях писатель сознательно формирует развернутую метафору, как художественный прием «сердце – дом»: *«Ничего нет страшней, чем развалины в сердце,/ничего нет страшнее развалин,/на которые падает дождь и мимо которых/проносятся новые автомобили,/по которым, как призраки, бродят/люди с разбитым сердцем и дети в беретах,/ничего нет страшнее развалин,/которые перестают казаться метафорой/и становятся тем, чем они были когда-то:/домами»*.

Исследователь Е.П. Ченских отмечает, что «по причине особенностей концептуализации внутреннего мира в идиостиле поэта, концепт «мозг» реконструируется как центр внутреннего мира, отвечающий за все психические процессы и тоже в ряде случаев опирается на концептуальную метафору «мозг – дом» в развернутых тропах с компонентом «мозг»: *«О, сжавшаяся до размеров клетки / мозга комната с абажуром...»*». Кроме того, ученый считает, что «символ дома особенно важен для поэзии Бродского. Посредством образов комнаты, дома, помещения во многих стихотворениях реализуются онтологические метафоры пространства». «Так, в стихотворении «В горчичном лесу» (1963) общий сценарий – дом в лесу – является аналогией

или сквозной развернутой метафорой внутреннего мира человека». [Ченских, 2015: с. 97].

Лингвист Т.В. Громова обращает внимание на «концептуальную метафору, являющуюся одной из лингвостилистических доминант в поэзии Бродского». Например, «в стихотворении «Сумерки. Снег. Тишина. Весьма...» (1966) она носит ярко выраженную метатекстовую направленность». Строки: *«Пестроту июля, зелень весны осень превращает в черные строки»* – построены на визуальном и на интеллектуальном сопоставлении – *«черная голая земля поздней осени, когда пустые борозды оказываются похожими на строки (т.е. превращаются в строки), и осень как пора творческого вдохновения, трансформирующая переживания поэта в ряд черных строк на чистом листе»* [Громова, 2019: с. 99].

Кроме того она утверждает, что «для писателя характерно развертывание образа, его детализация, при которой исходная метафора представлена *in absentia*, но легко прочитывается в контексте». «Так как в своем творчестве писатель разворачивает на детали образ жизни как книги, то под «миром» и «текстом» могут пониматься различного рода реалии». «Также в поэзии Бродского имеются, и примеры использования метафор с целью преобразить окружающую действительность посредством слова. В стихотворении «Я всегда твердил, что судьба – игра...» (1971) поэт размышляет о способности «любви» «говорить»: *«Я писал, что в лампочке – ужас пола. Что любовь, как акт, лишена глагола. Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, вещь обретает не ноль, но Хронос»*. Таким образом, используя индивидуально-авторские метафоры, поэт демонстрирует своеобразие художественного почерка» [Громова, 2019: с. 99].

2.3. Развитие концепта язык в поэтическом цикле «Часть речи»

Поэтический цикл Иосифа Бродского «Часть речи» заслуживает пристального внимания со стороны лингвистов и литераторов. Поэтому в настоящее время поэзия писателя все чаще становится объектом пристальных

наблюдений таких ученых как: А.В. Науменко, Ю. Пярли, Е. Семеновой, В.И. Козлова. Как отмечалось выше, «поэтический цикл «Часть речи» занимает центральное место в творчестве поэта и в русской поэзии XX века в целом, так как стоит в основе сразу двух сломов и делит все творчество Бродского на два больших периода: до эмиграции и последнее». «Тем не менее, сам цикл нельзя однозначно отнести к одному из этих периодов. Формально созданный после эмиграции, он содержит в себе черты двух периодов, показывая развитие поэтики Бродского» [Козлов, 2014: с. 37].

По мнению ученого В.И. Козлова, «цикл «Часть речи» несомненно, можно назвать одной из вершин творчества поэта, да и сам Бродский особенно относился к нему, так как увенчал этим именем первую поэтическую книгу, написанную в эмиграции. Большинство ученых ссылаются на то, что цикл «Часть речи» является основным сломом, который случился в творчестве И. Бродского после его высылки из Советского Союза в июне 1972 года» [Козлов, 2014: с. 39].

Кроме того поэтический цикл «Часть речи» притягивает к себе внимание современников неоднозначными комментариями, например: А. Солженицын высказывался о нем так: «От поэзии его стихи переходят в интеллектуально-риторическую гимнастику» [Бродский, 2010: с. 212]. Другие исследователи также отметили «движение к риторике и афористичности в творчестве поэта»: «Мировоззрение Иосифа Бродского величественно и мрачно, как и его поэзия. Во взгляде великого поэта на мир присутствуют оттенки снобизма, мизантропии, меланхолии, равнодушия стоицизма и безнадежности истинного пессимизма» [Семенова, 2001: с. 166].

Исследователь А.А. Мордовцева пишет, что «одной из причин подобной динамики явилась эмиграция поэта»: «Иосиф Бродский феномен русского зарубежья...». Другими словами, вынужденная эмиграция и преследование обострили мировосприятие поэта, так сказать, закалили его. Так видится от того, что находясь в эмиграции, Бродский сотворил яркие, четко выверенные, красочно-афористичные стихи [Кубрякова, 2004: с. 186].

По мнению ученого О. Седаковой: «при всей неоднозначности поэзия Бродского для более молодых авторов являлась началом нового этапа»: «Начало еще неловкое, еще имеющее в виду дальнее и непредвиденное развитие» [Седакова, 2010: с. 58].

Кроме того, исследователи отмечают, что наиболее часто встречающимися в цикле «Часть речи» являются природоморфные метафоры, например: «холод», «вода», «природные явления» и антропоморфные метафоры: «память», «язык».

В данном исследовании интересен концепт «язык».

Так в пятом стихотворении цикла «Потому что каблук оставляет следы...» впервые наблюдается метафора «язык»:

*«Что сказать вечеру о грядущем, коли
вспоминанья в ночной тиши
о тепле твоих — пропуск — когда уснула,
тело отбрасывает от души
на стену, точно тень от стула
на стену вечеру свеча...»* [Бродский, 2010: с. 205].

В данном контексте воспоминаниям соответствует тень, что является акцентом на конкретные внутренние переживания лирического героя. Здесь, «память» причиняет ему моральные трудности. «Стул» в этой сложной метафоре интерпретируется как «душа», а «тело» как «свеча». Соответственно воспоминания в данном контексте проявляются как что-то даже более метафизическое, чем «душа»: «как призрак, вырастает посреди спокойствия материального мира и повергает в тревожное состояние».

Однако ближе к концу цикла встречается не менее интересная метафора: «Итак, пригревает. В памяти, как на меже, прежде доброго злака маячит плевел» [Бродский, 2010: с. 209].

В данном контексте «память» уже воспринимается как «плевел», как «материальный вред». Кроме того, после перевоплощения лирического героя в финальной части цикла, в памяти остается «сор», «ветошь», другими

словами – «ненужное», «не значительное». Здесь воспринимается вред от памяти как что-то материальное, то, от чего можно с легкостью избавиться. Другими словами основная мысль цикла такова: «мы не можем изменить сохранившиеся в памяти события, но мы можем изменить свое отношение к ним».

Проведя анализ последних стихов цикла можно отметить: «Прежде состоянию персонажа можно было дать целый ряд характеристик: изгнание, разлука, разрыв, близость к смерти, одиночество, отчаяние...». «Теперь же автор сам определяет его: «свобода». Интересно то, что восприятие прошлого по мере изучения цикла преобразуется, другими словами, герой «пересматривает» былое. Особенно явно это заметно в строке: «...и при слове «*грядущее*» из русского языка...». «Пересмотр» былого явно связан с темой личных переживаний, так как в результате такой переоценки разлука становится обретением свободы [Семенова, 2001: с. 6].

Стоит отметить, что концепт «язык» в поэзии Бродского интерпретирует такие языковые репрезентации, как: «голос», «речь», «система знаков». В исследуемом цикле данный концепт представлен метафорическими моделями: «язык» — это «звук», «язык» — это «часть организма», «язык» — это «организм», «язык» — это «орудие». Кроме того, самой наиболее встречающейся моделью данного концепта является метафорическая модель: ««язык» — это «звук»». Данная модель представлена фреймами - естественные звуки: слоты «мычание», «визг», «крик» и искусственные звуки: слоты «хлопок», «свист «чайника»».

В данном контексте, душевные переживания лирического героя превращают речь в бессмысленные звуки, другими словами, без значащих что-либо слов лирический герой теряет ощущение опоры, а все сказанное становится всего лишь возгласом, чье наполнение носит чисто эмоциональный характер:

«...я взбиваю подушку мычащим "ты"» [Бродский, 2010: с. 202].

«...Голос старается удержать слова, взвизгнув, в пределах

смысла» [Бродский, 2010: с. 204].

*«...и отсюда — все рифмы, отсюда тот блеклый голос,
вьющийся между ними, как мокрый волос,
если вьется вообще. Облокотясь на локоть,
раковина ушная в них различит не рокот,
но хлопки полотна, ставень, ладоней, чайник,
кипящий на керосинке, максимум — крики чаек»* [Бродский, 2010: с. 205].

Приведенная выше цитата объединяет в себе слоты двух разных фреймов данной метафоры, стоит отметить, что звуки естественного происхождения лирический герой ставит выше искусственных звуков, однако и они не вполне его удовлетворяют («максимум — крики чаек»).

Метафора «язык» — это часть организма, которая находит свое выражение и в предыдущем примере: *«...и отсюда — все рифмы, отсюда тот блеклый голос,/вьющийся между ними, как мокрый волос, если вьется вообще»*, здесь фрейм: «часть человека», слот: «волос».

Стоит обратить внимание на то, что у Бродского более материальная часть языка (рифмы) метафорически связана со звуком (хлопки, крики), тогда как более абстрактный голос связан с осязаемым волосом.

Кроме этого, фрейм часть человека находит свое выражение в цикле в слоте уста:

*«Через тыщу лет из-за штор моллюск
извлекут с проступившим сквозь бахрому
оттиском «доброй ночи» уст,
не имевших сказать кому»* [Бродский, 2010: с. 204].

Умирая, человек оставляет только оттиск уст («От всего человека вам остается часть/речи. Часть речи вообще. Часть речи» [Бродский, 2010: с. 211]).

В стихах Бродского самое трагичное в данной метафоре — это отсутствие адресата даже после смерти. Метафорическая модель «язык» — это организм в цикле Иосифа Бродского образно связана с растениями (фрейм:

растения, слоты: жимолость, дерево). Первое проявление этой метафоры в цикле по смыслу схоже с предыдущей метафорой:

*«И улыбка скользнет, точно тень грача
по щербатой изгороди, пышный куст
шиповника сдерживая, но крича
жимолостью, не разжимая уст»* [Бродский, 2010: с. 208].

В этом примере активную роль вновь играет крик, однако в данном случае он не относится к области цели метафоры, здесь крик скорее выражает чисто эмоциональный образ действия, однако языку в приведенном примере соответствует именно жимолость. В данном проявлении метафоры языка снова отсутствуют слова, они заменяются «немым криком», в котором некий внешний атрибут (жимолость) становится важнее самого этого крика.

*«... за бугром в чистом поле на штабель слов
пером кириллицы наколов»* [Бродский, 2010: с. 209].

Несмотря на то, что два вышеприведенных примера относятся к одному фрейму (растения), разница между определенной жимолостью и неопределенным деревом, из которого складывается штабель слов, значительна. Жимолость, хоть и беззвучно, но кричит, штабель слов отсылает к письму.

В приведенном примере жимолость — живое дерево, чего нельзя сказать о штабеле слов. И, наконец, уже приведенное различие по неопределенности. Язык жимолости неясен, однако он исходит жизнью, язык ровно собранных вместе слов более точен, но он скорее ощущается как нечто материальное. Здесь мы видим аналогичное концепту «память» развитие: стоическая позиция последних стихов цикла переключает наше внимание с метафизики на материальный мир.

Соответствует общей динамике цикла и метафора «язык» — это орудие (фрейм: хозяйственное орудие, слот: топор), которая находит свое проявление уже ближе к концу произведения и также связана с предыдущим примером («пером кириллицы наколов»). Язык кириллицы — тот самый топор, который

помогает собрать штабель слов. Лирический герой окончательно осваивает мастерство владения словом, оно приобретает свою форму, отходит от немоты, неясности, эмоциональных всплесков.

Динамика метафорического проецирования концептов «память» и «язык» в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи» соответствует общему пути развития поэтики автора, который можно условно обозначить как путь «от романтизма к практицизму» (под романтизмом при этом мы понимаем не художественный метод, а тип мироотношения).

Это, в свою очередь, подтверждает тезис о данном цикле как об основополагающем произведении всего творчества Бродского. Развитие концепта «память» можно проследить по фреймам, через которые описаны метафоры в начале произведения (моральный вред, грезы) и в конце (материальный ущерб, материальное благополучие). Развитие концепта «язык» прослеживается через смену метафорических моделей: от метафизического «язык» — это звук к материальному «язык» — это орудие.

2.4. Место концепта язык в концептосфере И. Бродского и его лексическая репрезентация

Модель ассоциативно-смыслового поля (АСП) концепта язык в поэзии И. Бродского демонстрирует безусловное доминирование рассматриваемого концепта в концептосфере писателя. Это выражается в следующих высказываниях:

1) В разнообразии и обширности представленного в текстах поэта репертуара метаязыковых лексических знаков – репрезентантов концепта;

2) В высокой частотности их употребления. Разветвленная и многомерная структура ассоциативно-смыслового поля концепта язык в поэзии И. Бродского и конституирующих его основных фрагментов («Лингвистические термины и понятия», «Письмо», «Звукобуквы») адекватно отражает «лингвоцентризм» концептуальной картины мира автора – ее сущностное свойство, обеспечивающее осознание читателем исключительной

значимости концепта язык в творчестве поэта посредством особой системы «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации [Мордовцева, 2020: с. 25].

Так, самый объемный фрагмент АСП концепта язык в поэзии И. Бродского «Лингвистические термины и понятия», содержащий 43 лексических знака, насчитывающих 630 употреблений в поэтических текстах, см. Таблицу 3).

Таблица 3

Лингвистические термины и понятия				
Общелингвистические	Грамматические	Лексикологические	Стилистические	Фонетические
речь 93	глагол 27	слово 232	стиль 4	слог 10
язык 67	фраза 21	имя 57	тавтология 4	гласный 4
просторечье 8	время (глагола) 13	название 9	гипербола 1	согласный 4
наречие 5	грамматика 4	словарь 8	перифраза 1	
текст 4	существит-ное 4	Метафора 6		
словесность 2	падеж 4	синоним 6		
диалект 1	часть речи 4	словарн. запас 1		
жаргон 1	число 4			
	окончание 3			
	подлежащее 3			
	сказуемое 3			
	союз 2			
	местоимение 2			
	частица 2			
	вид (глагола) 1			
	междометие 1			
	наречие 1			
	обстоятельство 1			
	род 1			
	суффикс 1			

Таблица 3 наглядно демонстрирует сфокусированность поэтического мировидения автора на осознанное научное теоретико-аналитическое осмысление языковой реальности. Необычайно обширен лексический репертуар эстетически актуализированной в поэтических текстах художника лингвистической терминологии – от общелингвистической до узкоспециальной. Причем лингвотерминологический пласт идиолексикона

поэта обнаруживает достаточно четкую дифференциацию в соответствии с уровневым устройством языковой системы: в нем представлена терминология разных разделов языковедческой науки (грамматики, лексикологии, стилистики, фонетики).

Особенно ярко «лингвоцентризм» мирознания писателя проявляется в обилии и разнообразии (20 лексем, 102 словоупотребления) используемых в его поэтических текстах грамматических терминов, среди которых есть родовые термины обозначения (грамматика, часть речи), названия частей речи (глагол, существительное, союз, местоимение, частица, междометие, наречие), грамматических категорий (время, вид, падеж, число, род), номинанты морфем (окончание, суффикс) и членов предложения (подлежащее, сказуемое, обстоятельство).

Второй по величине фрагмент АСП концепта «язык» в поэзии И. Бродского указан в Таблице 4.

Таблица 4

Письмо			
Графемы и системы графем	Пунктуационные знаки	Типы и виды письма	Атрибуты письма
графемы	запятая - 11	письмо - 37	перо - 54
буква - 53	скобки - 8	почерк - 7	бумага - 49
литера - 6	многоточие - 6	письменность - 6	строка - 48
иероглиф - 5	точка - 6	клинопись - 5	лист - 21
мягкий знак - 2	вопросит. знак - 3	петит - 5	страница - 18
системы графем	восклиц. знак - 3	письмена - 3	чернила - 16
алфавит - 16	тире - 3	шрифт - 1	писчая - 2
кириллица - 9	двоеточие - 2	Эльзевир - 1	
латынь - 4	знаки препинания - 2		
азбука - 3			
букварь - 2			
глаголица - 1			

Фрагмент «Письмо» имеет 35 лексических знаков, 418 словоупотреблений и отражает присущую творческому мировидению автора сосредоточенность на сфере письменной коммуникации во всем многообразии ее проявлений, также являющуюся объектом многих областей

лингвистической науки (истории и теории языкознания, лингводидактики, орфографии и т.д.), но периферийной в наивной «картине языка», для которой намного более актуальной оказывается устная сфера коммуникации [Никитина, 2016: с. 78].

Третий фрагмент АСП концепта язык в поэзии И. Бродского представлен в Таблице 5.

Таблица 5.

Звукобуквы	
буква	количество
«а»	5
«б»	4
«в»	2
«г»	1
«ё»	2
«ж»	3
«и»	1
«р»	1
«с»	7
«т»	6

Фрагмент «Звукобуквы» имеет 21 лексический знак, 55 употреблений и демонстрирует наиболее специфическую особенность лингвистической рефлексии поэта – концептуализацию в его лирических произведениях звукобуквенных символов, приобретающих способность становиться самостоятельным смыслоформирующим элементом, который обладает в лексической структуре текстов художника статусом слова. Смысловое развертывание поэтических текстов обеспечивается взаимодействием АСП – текстовых коррелятов определенных фрагментов концептуальной картины мира автора, сформированных системой ключевых концептов, актуализированных в ассоциативно-вербальной сети стихотворений и детерминированных относительно друг друга.

Основой взаимодействия ассоциативно-смысловых полей ключевых концептов служат на: на внутритекстовом уровне – ассоциативные параллели, обуславливающие соотнесенность того или иного элемента лексической структуры текста с разными текстовыми смыслами, а следовательно, с разными концептами; на межтекстовом уровне – ассоциативные переключки (там же), манифестирующие регулярные ассоциативные сближения ключевых концептов мировидения автора в различных его произведениях [Карпенко, 2010: с. 79].

Так, например, в стихотворении «Сумерки. Снег. Тишина...» лексема белизна, будучи включенной в несколько ассоциативных параллелей, является «точкой контакта» АСП как минимум трех концептов: «язык», «смерть», «природа», взаимодействие которых обеспечивает реализацию смысловой программы стихотворения: Но белизна вообще залог / того, что под ней хоронится то, что / превратится впоследствии в почки, в точки, / в буйство зелени, в буквы строк. // Пусть не бессмертие – пережной / вберет меня. Разница только в поле / сих существительных. Лексема глагол, являясь лингвистической основой присущих идиостилю автора ассоциативных переключек, в свою очередь, фокусирует в разных произведениях поэта смысловую корреляцию концептов язык и время: Можно сказать уверенно: / здесь и скончаю я дни, теряя / волосы, зубы, глаголы, суффиксы... («1972 год»); Голос / представляет собой борьбу глагола с / ненаставшим временем («В Англии»); И как-то тянет все чаще прикладывать носовой / к органу зрения, занятому листвою, / принимая на свой / счет возникающий в ней пробел, / глаголы в прошедшем времени, букву «л» («Fin de Siecle»). [Карпенко, 2010: с. 90]

Таким образом, полностью соответствуя критериям выделения ключевых концептов творчества художника (частотность репрезентантов концепта; его ассоциативно-смысловая сопряженность с другими ключевыми концептами; наличие ассоциативных параллелей и ассоциативных

перекличек, обеспечивающих оперативную включенность концепта в смысловое развертывание текстов), концепт «язык» является ядерной единицей концептосферы И. Бродского, что обуславливает такое доминантное сущностное ее свойство, как «лингвоцентризм».

Кроме того исследователи определяют стержневые параметры лингвофилософской концепции поэта на основе контекстологического анализа динамики ассоциативно-мыслового развертывания концепта «язык» в лирических произведениях И. Бродского - X глава поэмы «Горбунов и Горчаков», «Строфы» «Наподобье стакана...», «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова», обнаруживающих факт чрезвычайно высокой частотности метаязыковых лексем, их максимальной «концентрации» и разнообразия (92 словоупотребления 37 метаязыковых слов). Такие константы индивидуально-авторской интерпретации бытия, как гипостазирование, онтологизация и сакрализация языка, формируют вербально эксплицированную в лексической структуре поэтических текстов уникальную личностную теологию языка [Плеханова, 2011: с. 39].

Данный концепт составляют:

1) Вопрос о соотношении имени и вещи, решающийся в поэзии Бродского в духе крайнего номинализма (не жизнь передо мной - победа слов).

2) Проблема онтологических взаимоотношений языка и человека, рассматриваемая поэтом в разных аспектах:

- идеи жизни человека как экзистенциальной жертвы языку-абсолюту (Знаешь, все, кто далече, / по ком голосит тоска - / жертвы законов речи, / запятых, языка);

- интерпретации жертвенного акта как акта речевого (Дорогая, несчастных / нет! нет мертвых, живых. / Всё - только пир согласных / на их ножках кривых. <...> // Право, чем гуще россыпь / черного на листе, / тем безразличней особь / к прошлому, к пустоте / в будущем);

- универсального принципа «лингвистического детерминизма» (вся жизнь, как нетвердая честная фраза / на пути к запятой).

Рассмотрим, номинант концепта в лексической структуре поэтических текстов И. Бродского» на основе гипотезы о приблизительном соответствии внутренней организации АСП концепта и семантической структуры многозначного слова – номинанта концепта прослеживаются различные «семантические роли» лексемы язык в ассоциативно-смысловом развертывании поэтических текстов. Семантический и концептуальный анализ функционирования номинанта исследуемого концепта - одного из базовых средств его вербальной репрезентации - в лексической структуре поэтических текстов Бродского позволяет выделить несколько характерных особенностей идиостиля автора, связанных с «лингвоцентризмом» его концептосферы, таких как:

1) Налицо преобладание в лексической структуре стихотворных текстов Бродского «органического» и «лингвистического» значений лексемы язык, демонстрирующее понимание языка как органа, отвечающего за речевую деятельность во всех ее проявлениях - говорении и слушании, письме и чтении: листва <...> лопочет / нечто на диалекте почек, / как языками, чей рваный почерк / - кляксы, клинопись лунных пятен - / ни тебе, ни стене невнятен («Эклога 5-я (летняя)»).

2) Наблюдаемая во многих стихотворениях одновременная актуализация нескольких значений – «органического» и «лингвистического»; «анатомио-гастрономического», «органического» и «лингвистического» - позволяет говорить о «мерцании» смысла и «диффузии» образа как об одной из характерных особенностей текстового ассоциативного поля многозначного слова в лирике Бродского: и без костей язык, до внятных звуков лаком, / судьбу благодарит кириллицыным знаком («Пятая годовщина»).

3) В случае одновременной актуализации в лексической структуре поэтических текстов Бродского нескольких значений слова язык доминирующими семантическими компонентами являются «лингвистические». Показательны в этом отношении случаи, когда сначала в лексическом структурировании текста фигурирует «анатомическое» значение

лексемы, но ее «лингвистическое» значение имплицитно участвует в смыслоформировании и вербально эксплицируется лишь в конце произведения в доминантной лексической микроструктуре текста, являющейся семантической кульминацией стихотворения: Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами... / За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра, / как сказуемое за подлежащим («Деревянный лаокоон...»); и слюна, как полтина, / обжигает язык... / кириллица, грешным делом, / ... знает больше, чем та сивилла, / о грядущем («Эклога 4-я (зимняя)»).

4) Бродский создает свой неповторимый образ языка в соответствии с законом гармонического соответствия уникальных и типовых текстовых ассоциаций (Болотнова, 1994). Опора на узуальные связи слова, закрепленные в сознании носителей языка, обусловлена: а) вхождением слова в состав фразеологизмов (язык без костей); б) устойчивой сочетаемостью лексемы (шевелить языком, молотить языком); в) прецедентными текстами (вырвать язык) [Демьянков, 2020: с. 184].

К разряду индивидуально-авторских ассоциативных связей относится, например, сквозное, регулярно повторяющееся в лексической структуре стихотворений Бродского контекстуальное, а следовательно, и ассоциативно-смысловое партнерство метаязыковых лексем и зоологизмов - названий животных отряда грызунов (я ...хуже мыши / глодал петит родного словаря («Разговор с небожителем»); Я был не лишним ртом, но лишним языком, / подспудным грызуном словарного запаса «Письмо в оазис»)). В отрывке из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (язык, что крыса, копошится в соре, / выискивает что-то невзначай) наблюдается шокирующее сравнение языка с крысой, копошащейся в соре в поисках пищи. Чувство отвращения и брезгливости, порождаемое данным сравнением, подкрепляется узуально закрепленной ярко выраженной отрицательной коннотацией лексем, его составляющих (крыса, сор, копошиться).

Кроме того, интерпретация данного контекста может быть осуществлена только на основе декодирования скрытой аллюзии на хрестоматийные строки Ахматовой: Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда. Подвергая ахматовскую возвышенность, ее веру в творческое преобразование «сора жизни» в искусстве шутовскому травестированию, автор максимально усиливает скепτικο-ироническую эмоциональную тональность анализируемого текстового фрагмента, подчеркивает свои мучительные сомнения в возможности гармонизации бытия даже в поэтическом творчестве.

Крысы и мыши – существа, для которых характерно очень быстрое передвижение (бежит, побежала, шмыгнула), обусловленное страхом за собственное существование и инстинктом жертвы (лови, ловить, поймать, капкан). Семантические признаки неуловимости, труднодоступности, мимолетности смысла поэтического текста лежат в основе обозначенной в Русском ассоциативном словаре ассоциативной связи крыса – стихотворение. Аналогичная ассоциативная сопряженность наблюдается в «Римских элегиях»: Рим, человек, бумага; / хвост дописанной буквы - точно мелькнула крыса. В приведенном сравнении объемность заложенного в нем образа зиждется на семантических возможностях слова– полисеманта: хвост – часть тела животного и одновременно – элемент графического знака, одно из понятий правописания. С точки зрения стихотворца, каждая написанная им буква – это попытка зафиксировать, закрепить на бумаге мелькающий в сознании, неуловимый и все время ускользающий, как крыса от ловца, смысл. Так обогащение ассоциативных возможностей лексемы - номината концепта происходит за счет ее новых индивидуально-авторских ассоциативных корреляций, стабильно репрезентирующихся в лексической структуре поэтических текстов художника.

2.5. Звукобуква как средство реализации концепта язык в поэзии И. Бродского»

Концептуализация языковых единиц и понятий, когда они не только выполняют свойственную им метаязыковую функцию или функцию «строительного материала» для единиц более сложного порядка, но, вступая в новые парадигматические и синтагматические отношения в лексической структуре поэтического текста, перерастают в объемный семантически многоплановый образ. На уровне звукобуквы итогом такой концептуализации становится ясное осознание читателем смысловой полнотности звукобуквенного символа, аккумулирующего в себе не только колоссальный прагматический заряд, но и определенный объем информации, некий «квант» смысла, и, кроме того, воплощающего какую-либо микроидею, какой-либо фрагмент концептуальной картины мира автора. В результате элемент алфавита, означивающий некоторый звук и не имеющий смыслового наполнения, в стихотворениях Бродского приобретает статус полноценной двусторонней единицы, по сути, статус слова, и функционирует в этом качестве уже на лексическом уровне, в лексической структуре поэтического текста.

Например, звукобуква «Ж» ассоциируется прежде всего с жужжанием насекомых и характеризуется, по данным исследования А.П. Журавлева, как «плохой», «грубый», «отгалкивающий», «страшный» и «злой» звук. Во многих стихотворениях Бродского, где тем или иным образом воспроизводится мотив жужжания, перечисленные признаки звука «Ж» максимально актуализируются, становятся источником новых смыслов. Например, в стихотворении «Полдень в комнате» (Муха бьется в стекле, жужжа) безысходное отчаяние лирического героя воплощается в отвратительном, назойливом звуке, издаваемом бьющимся о стекло насекомым. Отрицательные характеристики описываемого звука: его назойливость, непрерывность, таящаяся в нем потенциальная угроза – позволяют автору соотнести звук насекомого со звуком враждебного человеку времени, постепенно разрушающего его личность, «пожирающего» ее сознание, высасывающего из нее жизненные соки: Жужжащее, как насекомое,

/ время нашло наконец искомое / лакомство в твердом моем затылке («1972 год»).

Все лексемы словообразовательного гнезда с корнем жужж мотивированы звуком, издающимся насекомыми, и изображают его, то есть являются звукоподражательными и звукоизобразительными словами. Эта мотивация актуализирована в написании и произношении редко встречающимся в русском языке удвоением согласного «Ж». Поэтический мир Бродского «населен» многочисленными жужжащими насекомыми: ...и отзвуки их трагедий / смешиваются с пеньем веретена / как гуденье далекого аэроплана / с жужжаньем буксующей в лепестках пчелы («Теперь, зная многое о моей жизни...»); Ежедневная ложь / и жужжание мух / будут им невтерпеж / но разовьют им слух («Сидя в тени») (в целом в поэзии Бродского насчитывается 33 лексемы с корнем жужж). В поэтическом наследии Бродского есть два стихотворения с декларативно энтомологическими названиями: «Бабочка» и «Муха».

В стихотворении «Муха», содержащем иронико-философские рассуждения поэта о краткости и бренности жизни и насекомого, и человека, многократно обыгрывается образ буквы «Ж»: О чем ты грезишь? О своих избитых, / но не рассчитанных никем орбитах? // О букве шестирукой / ради тебя в тетради / расхристанной на месте плоском / кириллицыным отголоском. Сущность живого существа на основе внешнего сходства насекомого и графического знака закрепляется, воплощается после смерти только в букве русского алфавита. Изящная перифраза (шестирукая буква) подчеркивает антропоморфичность графического символа, персонифицирует его. Поэт по ходу всего внушительного по размеру стихотворения, состоящего из двадцати одной главки и шестидесяти трех четверостиший, как бы подтверждает этот тезис графическим рисунком собственного текста через искусную звукопись, звукоподражание, аллитерацию (пожалуй, лежалый, желтый, жужжа, дороже, тоже, жестоко, живым, женским ужимкам, жестам, пожухла, жутко, жужжалка, жалко и т. д.).

Жужжание, сопровождающее краткое земное существование насекомого, по Бродскому, - попытка запечатлеть свою сущность в звуке речи: Жужжанье мухи / увязшей в липучке, - не голос муки / но попытка автопортрета в звуке / «ж» («Эклога 5-я (летняя)»). Именно по признаку «наличие – отсутствие способности к звуковоспроизведению» противопоставляются бабочка и муха в одноименных стихотворениях. Немая, беззвучная трагедия бабочки описана Бродским в год его изгнания не только в чужую страну, но и в чужое языковое пространство. Голос, способность выражать себя в звуке поэт воспринимает как «знак родства» поколений, продлевающий бытие, способный не остановить, но хотя бы замедлить трагический ход времени: Жива, мертва ли / но каждой Божьей твари / как знак родства / дарован голос для / общенья, пенья / продления мгновенья / минуты, дня.

Подкрепляет, как бы осуществляет авторскую идею о возможности преодоления небытия – в тексте, в речи, в букве – оригинальная орнаментальная форма обоих стихотворений, написанных в жанре лирических идеограмм, каждая строфа которых являет собой состоящий из букв силуэт насекомого. Вероятно, изысканное построение строф этих произведений демонстрирует не только виртуозное владение автора словом, но и его желание самой формой текста, его орнаментом, замысловатым буквенным рисунком противостоять роковой «однодневности» существования, вечной, неизбежной трагедии бытия.

Анализ звукобуквы «Ж» в качестве лексического маркера концепта язык в поэтических текстах И.Бродского позволяет говорить об амбивалентности поэтического мировидения поэта: звук, олицетворяющий экзистенциальную драму человеческого существования, одновременно является попыткой ее преодоления в букве алфавита, в тексте, в поэтическом творчестве.

Таким образом, способность звукобуквы становиться самостоятельным смыслоформирующим элементом текста, обладающим в лексической структуре текстов Бродского статусом слова, зиждется на ассоциативной

«ауре» звукобуквы, стимулированной ее графическим обликом (Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква «ж», ни вниз ни / вверх («Декабрь во Флоренции»)) и фонетической значимостью (попытка автопортрета в звуке / «ж» («Эклога 5-я (летняя)»)). Концептуализация звукобуквы, превращение ее в семантически многоплановый образ «технически» осуществляется в поэзии Бродского разными способами:

1) графическим выделением буквы в отдельную, суверенную единицу текста (...и улица вдалеке сужается в букву «у»... («Всегда остается возможность выйти из дому на улицу...»)). Этот способ не только наиболее частотен в творчестве поэта, но и наиболее продуктивен, так как применяется в отношении 21 из 33 букв русского алфавита;

2) перифрастическим описанием буквы (Как тридцать третья буква, / я пячусь всю жизнь вперед («Строфы»)); О букве шестирукой («Муха»));

3) использованием звукоподражательных лексем, мотивированных определенным звуком и этот звук репрезентирующих (Жужжащее, как насекомое, / время («1972 год»)). Все эти способы направлены на реализацию коммуникативной макростратегии автора, подразумевающей стимулирование в сознании воспринимающего субъекта обусловленных замыслом писателя магистральных направлений ассоциирования, связанных с «лингвоцентризмом» его мировидения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) Концепт «язык» в поэзии Бродского включает в себя такие языковые репрезентации, как голос, речь, система знаков. В цикле «Часть речи» данный концепт представлен метафорическими моделями «язык — это звук, язык — это часть организма, язык — это организм, язык — это орудие». Самой популярной моделью данного концепта является метафорическая модель «язык — это звук», данная модель представляется фреймами естественные звуки, такие как: мычание, визг, крик и искусственные звуки - хлопок, свист и т.д. Душевные переживания лирического героя превращают

речь в бессмысленные звуки. Без значащих что-либо слов лирический герой теряет ощущение опоры, а все сказанное становится всего лишь возгласом, чье наполнение носит чисто эмоциональный характер.

2) Ключевой концепт – универсалия художественного мышления писателя – объективируется в лексической структуре поэтических произведений посредством особой, детерминированной эстетической интенцией автора и его коммуникативной установкой на гармонический диалог с читателем системы вербальных репрезентантов. Будучи парадигматически и синтагматически связанными, они образуют текстовое и межтекстовое АСП концепта. Представленная в поэзии И. Бродского разветвленная многомерная структура АСП концепта «язык» и его основных фрагментов («Лингвистические термины и понятия», «Письмо», «Звукобуквы») отражает «лингвоцентризм» концептуальной картины мира автора – ее сущностное свойство, обеспечивающее осознание читателем исключительной значимости концепта язык в творчестве поэта посредством особой системы «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации.

3) Стабильная ассоциативно-смысловая соотнесенность концепта «язык» с другими ключевыми концептами мировидения поэта (человек, природа, время, смерть, творчество и др.) служит лексическому воплощению уникальной личностной лингвофилософской концепции автора, основанной на феноменах гипостазирования, онтологизации и сакрализации языка. Эта концепция представлена в смысловом развертывании поэтических текстов И. Бродского взаимодействием (пересечением, наложением) АСП Разных концептов, обусловленным включенностью вербальных репрезентантов каждого концепта в ассоциативные параллели и переклички.

4) Семантическая структура многозначной лексемы – номината концепта наряду с ее узуальными ассоциативными связями оказывает непосредственное влияние на организацию межтекстового АСП концепта язык в поэзии И. Бродского. Взаимодействие узуальных и индивидуально-

авторских ассоциативных корреляций в формировании образа языка в лексической структуре стихотворных текстов художника является ярким проявлением его идиостиля.

5) Важной особенностью репрезентации концепта язык в лирике И. Бродского является концептуализация звукобуквы – приобретение ею способности функционировать в лексической структуре поэтических текстов художника в статусе полноценной двусторонней единицы, основанной на эстетической актуализации в сознании читателя графического облика и фонетической значимости звукобуквенного символа. Это происходит благодаря графическому выделению буквы в отдельную, суверенную единицу текста; перифрастическому описанию буквы и использованию звукоподражательных лексем.

б) В механизме ассоциативно-смыслового развертывания концепта язык в поэтическом творчестве И. Бродского явно доминирует закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности», регулирующий познавательную деятельность читателя в процессе его приобщения к эстетическому смыслу текстов. Этот закон реализуется в лирике художника посредством: а) высокой частотности слов-маркеров концепта; б) их стабильной воспроизводимости в разные периоды творчества автора; в) наблюдающейся в его текстах богатой синонимии языковых средств, г) метатекстов, «вплетенных» в композиционную и лексическую структуру произведений, д) итеративности - специфического свойства словесной организации поэзии И. Бродского, основанного на итерации – многократном повторении одного лексического комплекса в разных произведениях поэта.

ГЛАВА 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ

3.1. Этапы работы с концептом на уроке русского языка

Как отмечалось выше, исследователь Д.С. Лихачев называет концепты следующим термином - «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом». Концепт не только подменяет собой значение слова, но «расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова» [Аскольдов, 1997: с. 276].

Сама проблема концепта должна рассматриваться в рамках дихотомии «язык — речь». Лексическое значение слова, *закрепленное* в словарях, — это сфера языка. Слово, *употребленное* в том или ином лексическом значении в условиях конкретной жизненной ситуации, — сфера речи.

И тут очевиден вывод о двуфункциональности концепта: с одной стороны, он «замещает» лексическое значение слова, ни в коей мере не теряя внутренней связи ни с ним, ни с самим языком, а с другой стороны, является неким смысловым сгустком, который отражает индивидуальность человека, оказавшегося в условиях речевого общения, письменного или устного. Причем этот смысловой сгусток является неким обобщением, за которым обнаруживается целая система мыслей, чувств, образов, ситуаций, возможных ассоциативных ходов и т. п.

При организации работы в школе в указанном выше направлении особую значимость приобретает мысль Д.С. Лихачева о том, что концепт — это замещение лексического значения слова. Но нельзя не считаться с тем, что сложилась определенная традиция употребления этого термина в научной и педагогической сферах: концептами принято называть слова с «заместителями», а не сами эти «заместители». Не следует отказываться от

этой традиции употребления термина, но при анализе интересующего слова сами «заместители» нужно привязывать к тому или иному его лексическому значению. Такая логика когнитивной деятельности не противоречит концепции, сформулированной в статье Д.С. Лихачева.

Тот или иной концепт может быть рассмотрен на уроке русского языка. При этом желательно организовывать работу с таким словом, у которого обнаруживается терминологическое значение, имеющее отношение к лингвистической науке [Блох, 207: с. 103].

Выделим этапы работы школьников с таким концептом:

- 1) этимологический (если он возможен), словообразовательный и морфологический анализ слова;
- 2) выявление особенностей структуры словообразовательного гнезда, в которое входит слово-концепт;
- 3) нахождение лексических значений слова в толковом словаре;
- 4) выполнение упражнений, актуализирующих терминологическое лексическое значение слова;
- 5) анализ публицистического или художественного текста (текстов), в котором ярко проявляется заместительная функция концепта;
- 6) определение места слова-концепта в лексической системе языка (работа с синонимами и антонимами);
- 7) выполнение упражнения на синтаксическую сочетаемость слова;
- 8) обобщение (нередко оно проводится на основе характеристики и оценки афористических высказываний, в которые входит слово-концепт);
- 9) выполнение творческой работы.

Принципиальная особенность представленной выше модели деятельности школьников состоит в том, что она предполагает рассмотрение слова-концепта в связи с различными уровнями языковой системы. Лингвистический ракурс в его осмыслении становится определяющим, структурообразующим.

Охарактеризуем работу со словом-концептом «подчинение», соответствующую описанной выше модели деятельности школьников. Произведя этимологический анализ слова «подчинение», ученики, прежде всего, акцентируют внимание на элементе чин, входящем в его морфемную структуру, рассматривают соответствующее слово общеславянского происхождения. Оно образовано с помощью суффикса -нь от основы, параллельной древнеиндийской *cauati* — «собирает, строит». Первоначальное значение — «порядок, действие» (ср. чинить что-либо или кому-либо). Дальнейшее развитие значения представляется в следующем виде: подчинение > определенное место > должность [Блох, 200: с. 59].

В представленную выше последовательность входит и интересующее нас слово, причем оно стоит первым. Слово «подчинение» образовано от глагола подчинить при помощи суффикса -ений — следовательно, является отглагольным, абстрактным (отвлеченным).

Далее школьники могут привести примеры подобных имен существительных (развлечение, соединение, разъединение, нахождение и т. п.), а также указать на морфологическую особенность слова-концепта, оказавшегося в центре их внимания: у него единственное число — постоянный морфологический признак (если мы скажем: «пять подчинений», — то в лексическом значении слова произойдет трансформация, которая будет выражена в конкретизации действия, поданного как предмет, его семантика будет лишена отвлеченности).

Слово входит в небольшое словообразовательное гнездо, где наряду с ним обнаруживаются глаголы подчинить — подчиниться — подчиняться; подчинить — подчинять — подчиняться, от одного из которых (подчинить) оно и образовано. Но от этого глагола образовано и имя прилагательное «подчинительный» тем же суффиксальным способом.

Так как перед нами отглагольное существительное, то его лексические значения следует искать в разных статьях толкового словаря. Прежде всего,

необходимо обратиться к статье «Подчинить», в которой формулируются следующие значения:

- 1) сделать подвластным себе, поставить кого-либо в зависимость;
- 2) поставить под непосредственное руководство, передать в чье-либо ведение;
- 3) отдать, посвятить [Бабушкин, 1996: с. 42].

На этом этапе деятельности школьникам можно предложить синтаксические конструкции со словом-концептом подчинение. При этом перед ними будет поставлена следующая задача: определить лексическое значение, в котором употребляется это слово в каждом конкретном случае (подчинение жизни науке, подчинение силам природы, подчинение академии министерству образования и науки, подчинение государственной власти).

В статье «Подчинение» точно фиксируется терминологическое значение слова: «Способ соединения предложений или слов, выражающий зависимость одного предложения или слова от другого». На этом значении и следует далее остановиться подробно.

Прежде всего, ученики вспоминают, в каких синтаксических конструкциях встречается подчинительная связь. Это не только отношения между главным и придаточным предложениями в рамках сложноподчиненного предложения. Как известно, подчинительная связь действует и в сложноподчиненных предложениях с несколькими придаточными, в связи, с чем на уроке необходимо вспомнить о видах подчинения (последовательном, параллельном, разночленном, однородном, комбинированном). Нельзя забывать и о том, что подчинительная связь нередко встречается в предложениях с разными видами связи.

Но начать разговор о подчинительной связи следует с характеристики таких ее видов, как согласование, управление, примыкание, действующих на уровне словосочетания и простого предложения. Школьникам могут быть предложены для выполнения следующие упражнения (предложения взяты из стихотворения И. Бродского «Глаголы»).

Упражнение 1

Разберите предложение по членам. Сгруппируйте словосочетания в зависимости от вида подчинительной связи. Оформите материал в виде таблицы. Приведите устную аргументацию.

«Меня окружают молчаливые глаголы.

...Глаголы без существительных, глаголы просто». (Глаголы, 1960).

Упражнение 2

Устно охарактеризуйте сложные предложения с подчинительной связью. Составьте синтаксические схемы.

«Меня окружают молчаливые глаголы, похожие на чужие головы глаголы, голодные глаголы, голые глаголы, главные глаголы, глухие глаголы. Глаголы без существительных. Глаголы — просто. Глаголы, которые живут в подвалах, говорят — в подвалах, рождаются — в подвалах под несколькими этажами всеобщего оптимизма. Каждое утро они идут на работу, раствор мешают и камни таскают, но, возводя город, возводят не город, а собственному одиночеству памятник».

Школьникам для осмысления предлагаются следующие фрагменты из публицистической статьи Л. Млечина «Невиновны только жертвы», опубликованной в журнале «Огонек» в № 39 за 2016 год:

«Немецкая литература все послевоенные десятилетия пытается понять, почему добропорядочные люди при определенных обстоятельствах ведут себя столь подло. Большинство немцев оказалось крайними детерминистами: в широком диапазоне ответов от «я не делал ничего преступного» до «я вынужден был выполнять приказ» скрывалось твердое убеждение в том, что во всем виновато само время. Но ведь не все поддались обстоятельствам! Другие же не позволили превратить себя в палачей и садистов! Ведь были люди, которые сопротивлялись влиянию обстоятельств и сохранили свою честь. Участники Сопротивления, например. Сейчас участники Сопротивления — герои, борцы с абсолютным злом, фашизмом. А в нацистской Германии они считались предателями, продавшимися врагу».

Так пришло понимание: в ситуации выбора человек может полагаться только на собственную совесть и моральные нормы. Единственное решение - очень трудное - вырваться из этой загипнотизированной толпы, вырваться из истории, которая лишает тебя лица и судьбы. Не быть управляемым, не позволять манипулировать собой, сохранить пространство внутренней свободы и самостоятельности - вот урок, извлеченный из опыта Третьего рейха. В противном случае человек легко принимает любую преступную идеологию и практику. Вопросы к тексту:

Какая проблема волнует автора публицистической статьи и какова его нравственная позиция?

Какие слова и сочетания слов, свидетельствующие о подчинении человека внешней силе, встречаются в тексте?

— Что автор противопоставляет подчинению внешней силе, несущей зло?

Вопрос о личной ответственности человека за свои поступки тревожит автора, что несложно доказать.

Вот они, знаки подчинения внешней силе: поддаться обстоятельствам; позволить превратить себя в палачей и садистов, то есть манипулировать собой; быть управляемым; загипнотизированная толпа; история, лишаящая тебя лица и судьбы; принятие преступной идеологии и практики; крайний детерминизм в оценке собственной жизненной позиции.

Что же этому противопоставлено в статье? Необходимость сопротивляться влиянию обстоятельств, сохраненная честь, борьба с абсолютным злом, собственная совесть, моральные нормы, пространство внутренней свободы и самостоятельности. Иначе - расчеловечивание человека, превращение его в марионетку в руках государственных и политических деятелей, предельно далеких от норм морали.

Отметим, что слово «подчинение» автор статьи не употребляет, но оно так и напрашивается при ее характеристике — и активно употребляется школьниками.

Само это слово наполняется смыслом, уточняющим прежде всего его третье лексическое значение. Оно обращает взор учащихся к конкретной исторической эпохе, помогая в осмыслении острейшей нравственной проблемы, причем эмоционально переживаемой.

На следующем этапе деятельности старшеклассники включают слово в синонимический ряд, который дополняет учитель. Но возможен и другой методический ход - работа со словарной статьей словаря синонимов.

Представим синонимический ряд со словом-доминантой «подчинение», не претендующий на полноту: безответность, безотказность, безропотность, беспрекословность, взнуздывание, взятие, гнет, гонение, дисциплина, зависимость, завладение, завоевание, заграбастывание,

закабаление, закрепощение, захват, исполнительность, использование, несамостоятельность, обременение, повиновение, подавление, податливость, подвластность, подминание, покорство, порабощение, послушание, преданность, приниженность, притеснение, сдерживание, смирение, смиренность, старательность, угнетение, угнетенность, усердие, эксплуатация.

Школьники могут классифицировать синонимы, исходя из особенностей их лексических значений. Тогда в одну группу войдут слова, подчеркивающие поведение человека, оказавшегося в зависимом положении (беспрекословность, исполнительность, податливость, смиренность и т. п.), в другую группу они включат слова, характеризующие того, кто поставил этого человека в подчиненное положение (гонение, подавление, порабощение, угнетение и т. п.).

Работая с синонимами, ученики обращают внимание и на особенности морфемного состава некоторых из них. Например, наличие приставки без- (бес-), фиксирующей отсутствие негативной реакции на свое подчиненное положение (безответность, безотказность, безропотность, беспрекословность). В поведении человека нет отказа, ропота, достойного ответа, возражения.

В словах подвластность и подминание приставка под- подчеркивает то, что два человека (две группы людей) занимают разное пространственное положение на иерархической лестнице и один из них полностью зависит от другого, от его активных действий.

Далее ученики подбирают такие антонимы к слову подчинение, как освобождение и независимость.

Синтаксическая сочетаемость слова-концепта подчинение осуществляется на основе согласования (беспрекословное подчинение) и управления как родительным (подчинение солдата), так и дательным падежом (подчинение офицеру). Ученики сами подбирают примеры словосочетаний и комментируют их.

На этапе обобщения представление школьников о концепте «подчинение» следует усложнить. Ранее оно рассматривалось в рамках отрицательной коннотации. Но можно ли назвать такой подход справедливым?

Прежде всего, ученикам предлагается для осмысления и оценки следующее стихотворение Иосифа Бродского: *«И душа неустанно поспешая во тьму, промелькнет над мостами в петроградском дыму, и апрельская морось, над затылком снежок, и услышу я голос: - До свиданья дружок».*

Школьникам могут быть предложены следующие темы, которые помогут им создать интересные творческие работы- рассуждения: ««Подчинение» — это слово со знаком «плюс» или «минус»?», «Можно ли назвать совместимыми понятия «дружба» и «подчинение»?», «Любовь — это подчинение одного человека другому?», «Может ли строиться отношение младшего поколения к старшему на подчинении?», «Как соотносятся понятия «безволие» и «подчинение»?», «Психологический портрет человека, подчиняющего себе других людей», «Психологический портрет человека, не смеющего возразить тирану».

Таким образом, условия, способствующие выявлению заместителей тех или иных лексических значений слова-концепта, возникают на разных этапах

деятельности школьников (работа с публицистическим, художественным текстами, осмысление и оценка афористического высказывания, создание творческой работы).

3.2. Методическая разработка по русскому языку

3.2.1 Пояснительная записка

В последние десятилетия в образовательной среде активно применяются современные технологии. Так как основной целью обучения является воспитание творческой, активной личности, умеющей учиться, совершенствоваться самостоятельно. Чтобы сделать урок необычным и вызвать интерес у старшеклассников к русскому языку необходимо в методическую разработку внедрить инновационный подход к изучению русского языка, что позволит организовать учебный процесс, который вовлечет старшеклассника в общий учебный труд, вызывающий в нем, чувство успеха, движения вперед.

Многие исследователи рассматривают инновационные технологии как эффективные средства в личностно-ориентированном обучении, а также поиске условий для раскрытия творческого потенциала ученика во время учебно-воспитательного и методического процессов в школе. Нетрадиционные формы урока реализуются, как правило, после изучения какой-либо темы или нескольких тем, выполняя функции обучающего контроля. Они позволяют повысить интерес учащихся не только к предмету, но и обучению в целом. Творчество на таких уроках проявляется не в развлекательности, а в подборе таких заданий, такого дидактического материала, который своей новизной, необычностью подачи (путешествие, конкурс, игра и т.д.), вызывая удивление, активизирует внимание, мышление ученика.

Существуют множество классификаций нестандартных уроков и несколько их видов, например: урок-лекция, урок-семинар, урок – КВН, урок-защита проекта, урок-путешествие, интегрированный урок и т.д. Практически

все они позволяют решать проблемные вопросы и создавать проблемные ситуации, решать задачи дифференцированного обучения, активизируют учебную деятельность, повышают познавательный интерес, способствуют развитию критического мышления.

Нетрадиционные уроки русского языка позволяют обеспечить системный анализ лингвистических сведений, развить языковую наблюдательность. Соответственно подготовка к нетрадиционным урокам проводится очень тщательно, а это, как правило, требует много сил и времени со стороны учителя, и со стороны ученика. Так как на уроке русского языка особенно перспективным представляется метод проектов, который позволяет развивать критическое мышление, исследовательские способности и творческую деятельность. Поэтому для изучения и анализа творчества И. Бродского мы решили использовать нетрадиционную форму урока, а именно урок-проект.

Используя информационные виды проектов, в 11 классе проведен урок русского языка по теме «Анализ художественного текста на примере произведений Иосифа Бродского». Работа над проектом проходит 6 этапов, в ходе реализации которых формируются группы исполнителей; разрабатывается план работы над проектом; определяются сроки; выполнение заданий; обсуждение в группе результатов каждого задания; отчет по проекту.

3.2.2. План-конспект урока по русскому языку в 10-11 классах на тему: «Анализ художественного текста как фактор развития речевой грамотности на примере произведений Иосифа Бродского»

Цели урока:

- воспитательные: воспитывать любовь и уважение к родному языку, природе на примере стихотворений И. Бродского; бережное отношение к слову;

- образовательные: создать необходимые условия для систематизации знаний учащихся; дифференцировать работу учащихся, разделив класс на группы по уровню подготовки (базовый, повышенный и высокий);

- развивающие: организовать познавательную деятельность учащихся, закреплять орфографические навыки письма; совершенствовать коммуникативные навыки обучающихся в комплексном анализе текста, способствовать социальной адаптации учащихся, вовлекая их в формы коллективной, групповой, индивидуальной работы; формировать общеучебные навыки; работать над языковым понятийным материалом.

Задачи:

- научиться анализировать художественный текст;
- закреплять орфографические и коммуникативные навыки;
- подготовиться к ЕГЭ.

Эпиграф к уроку:

«Пока есть такой язык, как русский, поэзия неизбежна...» И. Бродский.

Ход урока:

- Организационный момент.
- Проверка домашнего задания.
- Сообщение темы, целей урока, оформление тетрадей, вступительное слово учителя.

Учитель предлагает учащимся поработать с поэтическими текстами русского поэта, англоязычного эссеиста, драматурга и переводчика – Иосифа Бродского. Имя Иосифа Бродского было не известно в России, он стал популярным после получения Нобелевской премии в 1986 году.

И. Бродскому судьба уготовила противоречивую, сложную жизнь. О нём мало что известно, поэтому предлагается изучить и разобрать произведения загадочного поэта, которые возможно раскроют его личность с неизведанной стороны.

Предварительно класс делится на 3 группы, каждая группа выбирает себе ведущего. Учащиеся получают задание выбрать одно стихотворение из цикла «Часть речи» Иосифа Бродского, выучить его наизусть и подготовить о нем сообщение. Каждая группа представляет одно произведение.

На уроке учитель знакомит учащихся с писателем.

После знакомства с писателем учитель задает вопросы:

1. Какие ассоциации вызывает у вас имя поэта, что вы слышали и знаете об этом человеке?
2. Обратите внимание на эпиграф к уроку, представленный на слайде, как вы его можете интерпретировать?

Ведущий каждой группы отвечает на вопросы учителя.

Иосиф Бродский родился 24 мая 1940 г. в городе Ленинград. Спустя 42 года в интервью голландскому журналисту он так вспоминал о родном городе: *«Ленинград формирует твою жизнь, твоё сознание в той степени, в какой визуальные аспекты жизни могут иметь на нас влияние»*.

Мать Иосифа – Мария Моисеевна Вольперт во время войны служила переводчиком в лагере для военнопленных, а отец Александр Иванович Бродский был морским офицером и фотокорреспондентом военной газеты. Исследователи считают, что с ранних лет в жизни Бродского многое символично. Детство его прошло в небольшой квартире в том самом «питерском» доме, где до революции жили писатели Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, откуда мать вывезла его во время блокады.

И. Бродский был самостоятельным и строптивым подростком. В 1955 году он ушел из восьмого класса и устроился работать на завод «Арсенал» фрезеровщиком. Затем работал помощником прозектора в морге, кочегаром, фотографом. Позже он присоединился к группе геологов и несколько лет провел в экспедициях. Вместе с тем он активно занимался самообразованием, увлекся литературой. Большое впечатление на Бродского произвели стихи Евгения Баратынского и Бориса Слуцкого.

На следующем этапе урока идет знакомство с wybranными произведениями поэта.

Например, первая группа учащихся выбрала одно из самых известных стихотворений цикла «Часть речи» «Ниоткуда с любовью», опубликованное в 1975-1976 годах.

Участники первой группы читают выученное заранее наизусть стихотворение «Ниоткуда с любовью» (1975-1976).

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,
 дорогой, уважаемый, милая, но не важно
 даже кто, ибо черт лица, говоря
 откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
 и ничей верный друг вас приветствует с одного
 из пяти континентов, держащегося на ковбоях.
 Я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
 и поэтому дальше теперь
 от тебя, чем от них обоих.

Далеко, поздно ночью, в долине, на самом дне,
 в городке, занесенном снегом по ручку двери,
 извиваясь ночью на простыне,
 как не сказано ниже, по крайней мере,
 я взбиваю подушку мычащим «ты»,
 за горами, которым конца и края,
 в темноте всем телом твои черты
 как безумное зеркало повторяя.

Далее учащиеся анализируют стихотворение, приводят мнение критиков о нем, например: критики описывают лирическую поэзию Бродского, как намеренно холодной, однако данное произведение сложно назвать таким.

Само по себе стихотворение глубокое – и по рифме, и по содержанию. С первых же строк Бродский представляет свое произведение не просто складным текстом, а делает отсылку к традициям эпистолярного жанра, что придает стихотворению необычайную проникновенность. При этом то, что обычно прописывается в конце письма, например: пометка «с любовью», у Бродского превращается в своего рода заглавие. Текст, здесь является, как эксперимент, вызов стандартам. И именно с него начинается весь стихотворный цикл.

После представления стихотворения учащимися, учитель задает вопросы лично-ориентированного характера, так как данные вопросы позволяют выявить уровень эстетического воспитания учащегося и его индивидуальность. В этом моменте раскрывается каждый ученик в его способностях воспринимать образную систему стихотворения.

1. Какими чувствами поэта наполнено стихотворение? (Стихотворение наполнено чувством боли и отчужденности, одиночества и искренних чувств, прекрасных, и в то же время губительных.).

2. Какие средства художественной выразительности помогают поэту воплотить эти чувства в стихотворении? (Эпитеты: «дорогой, уважаемый, милая, но не важно», «и ничей верный друг вас приветствует»; метафоры: «я взбиваю подушку мычащим «ты»», «извиваясь ночью на простыне»).

3. Какое изобразительное средство в этом стихотворении И. Бродского является ведущим? (Синтаксический перенос).

4. Есть ли в стихотворении примеры анафоры, антитезы, противопоставлений, антонимов и т.д.?

5. С какими тропами мы поработали на уроке?

6. Что нового вы узнали о поэте Иосифе Бродском?

Заключительное слово учителя:

Иосифа Бродского часто называют последним поэтом Серебряного века, хотя, возможно, он вообще последний большой русский поэт ушедшего столетия. Понятие Серебряный век относится не столько ко времени, сколько к уровню культуры. Бродский был человеком высочайшей культуры, в совершенстве овладел несколькими языками, великолепно знал мировую поэзию, был знаком с лучшими поэтами своего времени. Следуя за своими предшественниками, великими поэтами века Золотого, он сумел создать свою поэзию, идущую из самой глубины сознания, свой образный язык. Он любил свою Родину и свой народ, гордился его силой и восхищался мужеством.

«Я верю, что вернусь, Ведь писатели всегда возвращаются — если не лично, то на бумаге, и если мой народ не нуждается в моей плоти, то, может быть, моя душа ему пригодится».

В конце урока все учащиеся могут исполнить песню на стихи Иосифа Бродского.

Данные этапы урока включают в себя связь с жизнью, приводят к мысли, что и в наше время многие люди находят в творчестве поэтов отклик своим мыслям и чувствам. Таким образом, урок поможет обучающимся узнать много интересных фактов о жизни поэтов, познакомиться с их творчеством через интересный подход к изучению русского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование концепта «Язык» показало, что этот концепт играет огромную роль в творчестве И.А. Бродского, так как он один из важнейших аспектов поэтического мира Бродского. Нам удалось выяснить, что «Язык» для Бродского является высшей ценностью и высшей тайной бытия, это ключевой концепт для поэзии и мировоззрения Бродского. В поэтическом мире Бродского не человек является центром вселенной, а язык является Абсолютом, к которому восходит человек. Самые разные явления внешнего мира и внутренней жизни человека концептуализируются в поэзии Бродского через категории и единицы языка.

По мнению Бродского, Язык всемогущ, он охватывает все стороны человеческого бытия, формирует систему взглядов и философию автора, определяет его роль и место в мире, отношение к действительности, культуре и социуму. Фундаментальная идея связи и зависимости человека от языка и умаления роли человека выражается, в частности, в установке на деперсонализацию художественной личности, на растворение лирического «я» в языке.

Мир Бродского состоит из множества фрагментов – хаотичных, не складывающихся в единое, законченное целое. Но, стремясь преодолеть этот хаос и обрести точку опоры, Бродский находит эту опору и рациональное начало в языке. Язык для Бродского, в буквальном смысле, создает человека и им же манипулирует. Связь человека с языком и восприятие своего существования и себя через естественный язык – фундамент творчества поэта. В повседневной языковой коммуникации носители языка обмениваются высказываниями. Бродский же, отталкиваясь от высказывания, обращается к словам, грамматическим категориям, синтаксическим конструкциям.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что концепт – это семантическое образование, которое отмечено культурной спецификой языка и так или иначе характеризует носителей определенной этнокультуры, отражает ментальность народа. Концепт не возникает из того,

что он отражает лексическое значение слова, он появляется тогда, когда сталкивается словарное значение слова с опытом человека, и потому концепт окрашен эмоционально, он несет в себе оценочность и экспрессию. Структура концепта очень сложна и многомерна, и поэтому нет однозначного подхода к ее изучению, так же, как и к самому определению концепта.

В рамках изучения концепта, на сегодняшний день разработано достаточно большое количество методик анализа концепта, выбор какой-либо конкретной методики зависит от целей, которые ставит перед собой исследователь. И.А. Бродский - поэт, стремящийся заново осмыслить основания культуры, он задается вопросом о природе культурного кризиса эпохи-кризиса представлений о слове, времени, истории и их онтологии. Именно это позволяет выделить такие яркие черты творчества Бродского, как философичность, наличие мотивов трагизма, лингвоцентризм, стремление осмыслить и изобразить категории времени и пространства.

Представленная в поэзии И. Бродского разветвленная многомерная структура концепта «Язык» и его основных фрагментов, таких как: «Лингвистические термины и понятия», «Письмо», «Звукобуквы» отражает «лингвоцентризм» концептуальной картины мира автора – ее сущностное свойство, обеспечивающее осознание читателем исключительной значимости концепта «Язык» в творчестве поэта посредством особой системы «лингвоориентированных» средств и способов его вербальной экспликации.

Стабильная ассоциативно-смысловая соотнесенность концепта «Язык» с другими ключевыми концептами мировидения поэта (человек, природа, время, смерть, творчество и др.) служит лексическому воплощению уникальной личностной лингвофилософской концепции автора, основанной на феноменах гипостазирования, онтологизации и сакрализации языка. Эта концепция представлена в смысловом развертывании поэтических текстов И. Бродского взаимодействием (пересечением, наложением) разных концептов, обусловленным включенностью вербальных репрезентантов каждого концепта в ассоциативные параллели и переклички.

Важной особенностью репрезентации концепта «Язык» в лирике И. Бродского является концептуализация звукобуквы – приобретение ею способности функционировать в лексической структуре поэтических текстов художника в статусе полноценной двусторонней единицы, основанной на эстетической актуализации в сознании читателя графического облика и фонетической значимости звукобуквенного символа. Это происходит благодаря графическому выделению буквы в отдельную, суверенную единицу текста; перифрастическому описанию буквы и использованию звукоподражательных лексем. В механизме ассоциативно-смыслового развертывания концепта «Язык» в поэтическом творчестве И. Бродского явно доминирует закон эстетически обусловленной смысловой «избыточности», регулирующий познавательную деятельность читателя в процессе его приобщения к эстетическому смыслу текстов.

Результатом нашего исследования стала методическая разработка «Анализ художественного текста как фактор развития речевой грамотности на примере произведений Иосифа Бродского», которая будет применяться на уроках русского языка в старших классах школы. Целью данной разработки является воспитание у учащихся любви и уважения к родному языку, природе, бережному отношению к слову на примере стихотворений Иосифа Бродского. Кроме того закрепление орфографических навыков письма; совершенствование коммуникативных навыков обучающихся через комплексный анализ текста.

Таким образом, все задачи, поставленные в данной исследовательской работе, выполнены.

Список используемой литературы

1. Аскольдов (Алексеев) С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 104 с.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.
4. Блох М.Я. Проблема понятия концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель: XXI век. 2007. № 1. С. 101-105.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
6. Бродский И.А. Письма римскому другу: Стихотворения. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 288 с.
7. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
8. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 12-20.
9. Глазунова О.И. Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. — СПб., 2005. — 376 с.
10. Демьянков В.З. Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В.Н. Телия // Язык, сознание, коммуникации: Сб. статей / Отв. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2016. — Вып. 53. — С. 86-90.
11. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
12. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
13. Козлов В.И. Четыре подступа к циклу И. Бродского «Часть речи» // Пристальное прочтение Бродского. Сборник статей. — Ростов-на-Дону, 2010. — С. 87–146.
14. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.

15. Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. 492 с.
16. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Кюст Й. Бродский как предмет исследования: восемь лет спустя // НЛО. — 2004. — № 67. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ku8.html> (дата обращения: 2.12.2023).
17. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М., 2004.
18. Лебедев А.В. Соотношение концепта «сотворение мира» и языковой картины мира // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 188-197.
19. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
20. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Индрик, 1991.
21. Миллер Л.В. Концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39-45.
22. Мордовцева А.А. Иосиф Бродский: феномен русского зарубежья // Вече. Журнал русской философии и культуры. — 2007. — № 18. — С. 150–156.
23. Науменко А.В. «Часть речи» И. Бродского // Язык и культура: Третья междунар. конф.: Тез. докл. — Киев, 1994. — С. 246–247.
24. Платт Д.Б. «Отвергнутые приглашения к каменным объятиям: Пушкин — Бродский — Жолковский» // НЛО. — 2004. — № 67. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/pl10.html> (дата обращения: 5.12.2023).
25. Попова З.Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. 192 с.
26. Пярли Ю. Синтаксис и смысл. Цикл «Часть речи» И. Бродского // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре. — Helsinki, 1996. — С. 409–418.

27. Седакова О.А. Четыре тома. — М.: Издательство Русского фонда содействия образованию и науке, 2010; Университет Дмитрия Пожарского, 2013. — Книга 3. Poetica. — 584 с.

28. Семенова Е. Поэма Иосифа Бродского «Часть речи» [Электронный ресурс] // Старое литературное обозрение. — 2001. — № 2. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/semen.html> (дата обращения: 1.12.2023).

29. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

30. Трифонова А.В. Поэтический мир Иосифа Бродского: перцептивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Трифонова Анастасия Владимировна. — Смоленск, 2014. — 164 с.

31. Фрумкин К. Пространство-время-смерть: метафизика Иосифа Бродского. — 2010. — Режим доступа: <http://okno.km.ru/z-chij/staty/brodsky.html> (дата обращения: 7.12.2023).

32. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

33. Шевченко С.А. Белые пятна, черные дыры: астрономическая метафора в творчестве Иосифа Бродского // Слово.ру: Балтийский акцент. — 2012. — № 4. — С. 86– 88. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/belyepyatna-chernye-dyry-astronomicheskaya-metafora-v-tvorchestve-iosifa-brodskogo> (дата обращения: 3.12.2023).

34. Янгфельдт Б. Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском / пер. со шведского Б. Янгфельдта; пер. с англ. А. Нестерова — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. — 368 с.